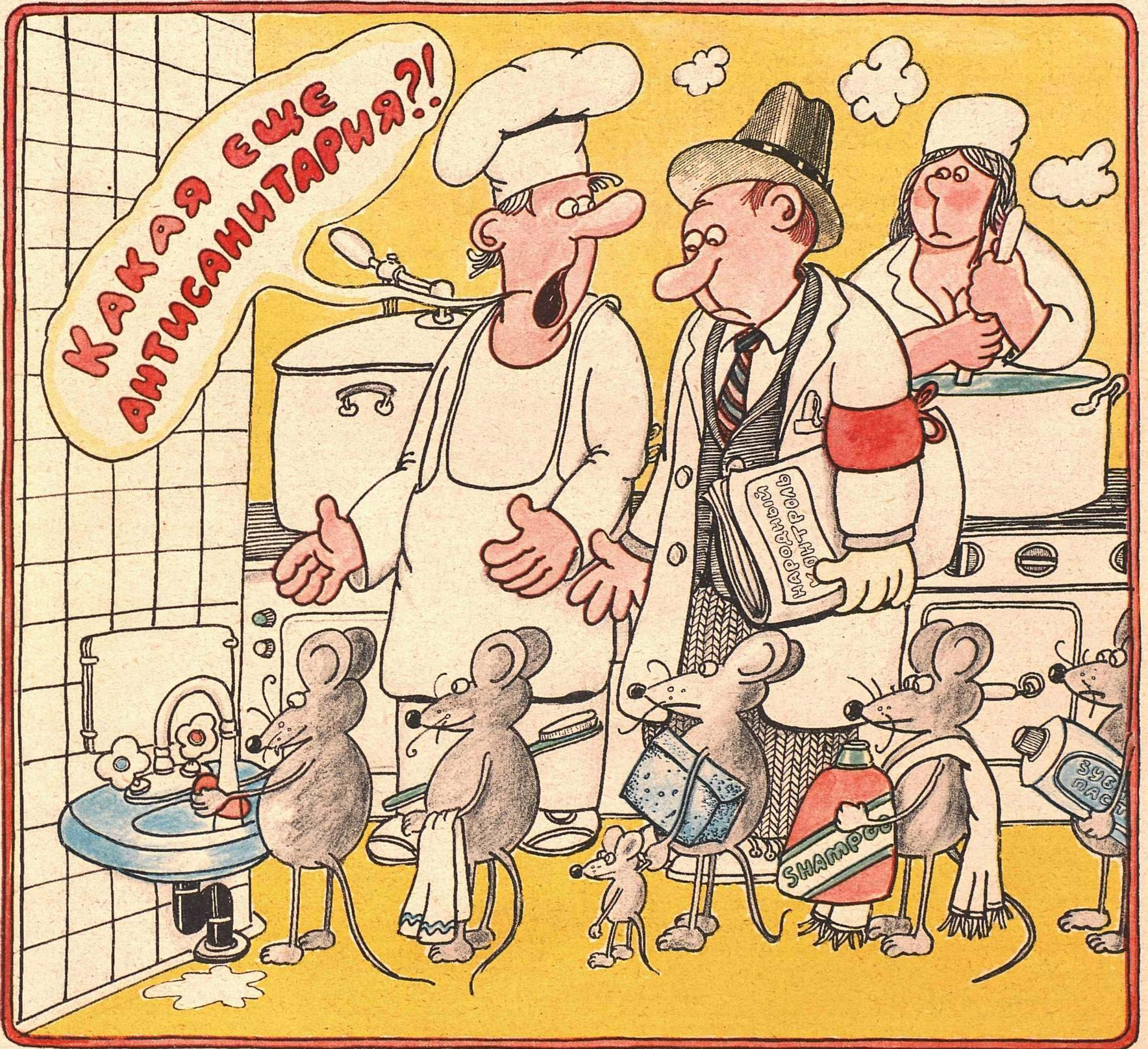

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 14

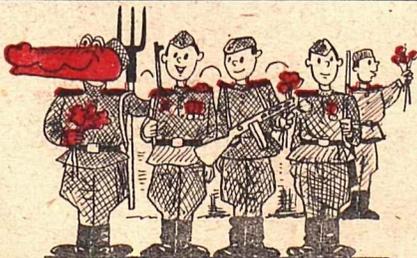
МАЙ 1990

В. ЛУГОВКИН.

**ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ,
КАК МОГЛИ...**

Стр. 6.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2672)
май 1990

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Редакция не рецензирует
присланные литературные
и изобразительные материалы.
Рукописи объемом меньше
2 печатных листов
не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 09.04.90.
Подписано к печати 16.04.90.
А 00271.
Формат бумаги 70×108½.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 050 000 экз.
(1-й завод: 1—2 450 020).
Зак. № 2178.
Цена 30 коп.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1990.

45: ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

Было время — кажется, совсем недавно, — когда на День Победы в коридоре «Крокодила» выстраивалась могучая шеренга, поблескивая орденами и позванивая медалями. Отдав команду: «Смирно!», командующий парадом полк экс-майор Борис Юдин строевым шагом направлялся к принимающему парад главному редактору экс-подполковнику Мануилу Семенову и отдавал рапорт о построении сатирической рати. Главный здоровался, а затем произносил речь, состоящую из пяти слов: «Поздравляю с праздником! Спасибо, братцы!» —

— За 20 кг денег дают абонемент на приобретение холодильника, телевизора или мягкой мебели...

С. РЕПЬЕВ.

ЧИТАТЕЛЬ ВЗВОЛНОВАН

МИНИСТЕРСКИЕ ФАНТАЗЕРЫ

Обрати внимание, Крокодил, как сами министерства планируют себе работу, причем такую, что подороже. Вот опять МПС замахнулось на «стройку века». На этот раз речь идет о магистрали «Центр — Юг» — скоростной железной дороге, которая свяжет Москву с Крымом и Кавказом. Уже и газеты раззвонили: путь от столицы до Сочи (более 2500 километров) скоростной поезд пролетит за 8 часов. Все бы хорошо, если бы не маленькая закладка: строительство трассы обойдется в 5 миллиардов рублей.

Между тем мы каждый день слышим о дырах в бюджете. Ищутся деньги, чтоб хоть немного поднять нищенские пенсии. Депутаты без конца говорят, что все крупные проекты должны обсуждаться всем народом. Нужна ли нам эта ненаучно-фантастическая магистраль, когда 40 миллионов человек находятся за чертой бедности? С БАМом сели в калошу, так теперь новый гигант затевают! А МПС берет и просто ставит нас перед фактом.

У нас уже вошло в практику, что ведомства сами заказывают себе Великие Стройки. А из каких средств они

собираются их оплачивать — это как бы дело десятое. Главное — затеять. Так мы вечно будем нищими в богатой стране.

Н. ОСИПОВ,
г. Воронеж.

ПО МЕТОДУ ЧИЧИКОВА

До чего же сильно влияние классической литературы на жизнь! Помните, как Чичиков скупал мертвые души, облапошивая почем зря доверчивый госаппарат царской России? Канули в Лету чичиковы, а методы и приемы находчивого проходимца остались. И проявляются они в планировании.

В прошлом году на Горьковском автозаводе умерло, а точнее подверглось конверсии, одно из производств, которое являлось ведущим в сдаче цветных металлоотходов. Одну треть всего цветного лома, отгружаемого ГАЗом, давало это производство.

Какие были хорошие времена, когда это производство выдавало продукцию! Не надо было ломать голову, как выполнить план, слущенный Госпланом. Но вот производство ликвидировано. Думаете, план сдачи сократился? Ничуть.

Госплан по привычке выдал Минавтосельхозмашу план по металлоотходам от достигнутого, а замначальника УМТО министерства В. Гельгафт взял под козырек и не мудрствуя лукаво разделил его по заводам. И тут началась бюрократическая круговерть: Госплан, выдавая заведомо невыполнимый план Минавтосельхозмашу, планирует в то же время Министерству металлургии выпуск продукции из несуществующих металлоотходов. Минмет кому-то планирует получение этой продукции. Люди ждут, надеются, но... металлоотходов как не было, так и не будет. Их просто взять негде. И как теперь доказать нереальность всех этих планов?

Между тем виновным оказывается не Госплан, не Минавтосельхозмаш, а ГАЗ. Именно ему будут предъявлять в Госарбитраже штрафные санкции. А целый коллектив цеха вторичных металлов потеряет в зарплате.

Товарищи, кого же мы обманываем таким бездумным планированием? Зачем нам нужны несуществующие отходы, превращаемые в несуществующие изделия?

А. БАЛДОВ,
зам. нач. цеха вторичных металлов
Горьковского автозавода,
г. Горький.

на что следовало громовое «Ура!», и все шли к праздничному столу, принимая первым делом из рук милых редакционных барышень алюминевую солдатскую емкость с «наркомовской» жидкостью... А потом мощно пели и лихо отплясывали бывшие артиллеристы, танкисты, разведчики, ставшие фельетонистами, поэтами, карикатуристами...

Год за годом, увы, укорачивал шеренгу. Но все равно, верные крокодильской присяге, не уходят ветераны в творческую отставку.

ПОЧТА ОДНОГО ФЕЛЬЕТОНА

МУЗЕЙНАЯ ТИШИНА?

Необычный музей существует в Москве: он работает круглосуточно и круглосуточно же задымляет небо, загрязняет воду в Москве-реке, нанося ущерб экологии столицы. Но не только об экологии говорилось в фельетоне Вячеслава Баскова «Музей под закрытым небом» (№ 1, 1990 г.). В нем шла речь о том, что этот «музей», а точнее, завод имени Лихачева, который долгое время именовался «флагманом отечественного автомобилестроения», является технически отсталым предприятием, где широко применяется ручной труд, где процветает отсталая технология, где пользуются услугами лимитчиков, алкоголиков и специально завезенных на завод вьетнамцев.

Фельетон вызвал обильную читательскую почту, которая поддерживает выступление журнала. Однако сперва об одном письме, которое идет, так сказать, вразрез с мнением других читателей.

Письмо это исполнено на персональном компьютере, и автор его — Анатолий Андреевич Макаров, занимающийся, как он пишет, должностью начальника бюро программирования. Что же он усмотрел в крокодильском фельетоне?

Оказывается, «о каждом предмете или явлении можно судить по-разному, особенно когда касаешься дела случайно, наскоком. Или имея очередное задание. Получили, например, газетчики задание превратить человека в полубога, в Вождя Народов, — быстро и четко выполнили работу. Получили через определенное время новое задание — порочить и чернить своих «великих» всех эпох — еще пуще прежнего стараются, перевернув быстро медаль на другую сторону».

После столь многозначительного вступления, из которого становится ясно, что буквально во всем — и в возвеличении Сталина, и в его разоблачении, и в превозношении «флагмана», и в его плохой работе — виноваты исключительно «газетчики», которые действуют сообразно заданию. Тов. Макаров все же соглашается, что «да, ЗИЛ не подарок. На ЗИЛе высока интенсификация труда... Да, ЗИЛ строит «общаги» для лимитчиков... Да, ЗИЛ имеет изношенное, старое оборудование... Я лично крутил на токарном станке 13 лет, станок был вывезен из Германии в 1945 г. На нем еще фашисты танки делали...».

Правда, ЗИЛ, а вернее администрация этого завода, по мнению Макарова, абсолютно ни в чем не виновата, виноваты обстоятельства: не хватает денег, поскольку ЗИЛ обязан свою прибыль перечислять в местный бюджет, в госбюджет и в министерство.

Но если так плачевно обстоят дела с деньгами, то спрашивается, на какие шиши строит ЗИЛ эти самые «общаги» для лимитчиков? На какие средства содержит наркологическую больницу для алкашей, которые работают на заводе?

Нет, тов. Макаров, не сходятся у вас концы с концами. Да и вина газетчиков в бедах ЗИЛа весьма проблематична. «Нехорошо, — пишете вы, — потолкавшись среди лимитчиков, алкоголиков и учеников, хохом чернить весь коллектив ЗИЛа, попутно лягнув пару раз своим демократическим копытом Вождя Народов, созданного, воспетого, навязанного народу и оплеванного вами же».

Впрочем, тему Вождя Народов затрагивать здесь не будем: кто его создавал и воспевал, пожалуй, давно уже ясно всем. А вот насчет «очернения» всего коллектива стоит поговорить.

Вот что пишут сами зилорцы.

«Прочитал в № 1 статью «Музей под за-

крытым небом». То, что там описано, — это 0,00001% того, что творится на ЗИЛе. Вам показали самые чистые цеха. В свое время завод поменял имя Сталина на Лихачева, а порядки остались сталинские. Но даже в те времена тогдашний директор Лихачев надевал телогрейку (по рассказам ветеранов), проходил по цехам, заходил в курилки, совещался с рабочими, внимательно выслушивал, обещал помочь и помогал многим. Это было... Теперь курилки аннулировали (то есть места отдыха), люди курят прямо на рабочих местах (с оглядкой, чтобы пожарные не поймали). Я москвич, проработал на заводе два года, и то, что я там увидел, — это какой-то кошмарный сон. Когда я увольнялся, многие удивлялись, как это я ухожу без статьи, давно такого не бывало... На ЗИЛе не соблюдаются ни Конституция, ни КЗоТ...

В. ГОДОРЖЕВ, Москва».

«Мы проживаем в ведомственном доме ЗИЛа с 1979 года. В ордерах было указано: «коммунальная квартира». А когда вышло новое жилищное законодательство, руководство ЗИЛа не растерялось. Оно просто переименовало наши дома «семейными общежитиями». Это было сделано для того, чтобы те из нас, кто стоит в очереди на новую квартиру, не могли занять освобождающиеся в квартире комнаты... Санэпидстанция, райисполком, сам Моссовет не считают наш дом общежитием, но ЗИЛу все нипочем!.. А ведь исполком Моссовета объявил коммуналкам войну и публично пообещал к 1997 году ликвидировать их совсем!

М. БЕЛОБОРОДОВ, Москва».

А вот письмо шофера, который близок знаком с продукцией ЗИЛа:

«Я много лет работаю на машине ЗИЛ-130В, то есть на полуприцепе. И хочу, как шофер с 20-летним стажем, высказать директору завода т. Бракову мнение о его полуприцепах, вернее, тягачах ЗИЛ-130В-1. Машина для работы страшно неудобная. Неудобное расположение баранки, в дальнем рейсе отваливаются руки, ведь приходится держать их на весу, неудобное сиденье, через 300 км спину не чувствуешь. Кабина холодная, отопитель с одним моторчиком хорош для летних прохладных ночей, но не для работы в мороз. Стынут ноги на ходу. А еще заставить бы Бракова крутить эти гайки с фторками крепления колес, да почаще... Благодаря ЗИЛу я не один год жизни угробил... Брызговики на задних колесах нет, бензобаки через год эксплуатации просекают снизу камнями — нет защиты... Да разве все перечислишь! Опубликуйте письмо, пусть на ЗИЛе почитают, я еще им ласково написал.

В. НОВОПАШИН, Томск».

Вот такие письма. Пусть читатели судят, «очерняем» ли мы зилорскую действительность.

Крокодил рассчитывал, что администрация ЗИЛа отреагирует на фельетон. Однако промолчало руководство ЗИЛа. Промолчал и Моссовет, в адрес которого прозвучала критика в этом фельетоне. А также Минавтосельхозмаш. Полная тишина. Как в музее. А ведь сколько бывало восторгов, когда ЗИЛ посещали высокие гости! Сколько было шума по поводу «флагмана советского автомобилестроения!» И холодильники там выдающиеся делают, и поликлиника там на уровне лучших мировых образцов... Вот только самое главное — производство — от этих образцов отстало на десятки лет. Так, может, журналисты виноваты?

Недаром же у всех ветеранов имеются специальные, бессрочные редакционные удостоверения «Крокодила».

В канун 45-летия нашей Великой Победы в Продолговатом зале редакции вновь собрались участники войны. Как всегда в таких случаях — воспоминания, или, как их именуют в народе, байки...

Крокодилы сердечно поздравляют со знаменательной годовщиной своих старших товарищей и всех ветеранов Великой Отечественной. Будьте здоровы и счастливы!

Владимир Вишневецкий

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИКИ

...Хотя клонило в сон на склоне дня,
я вышел прикупить житейской прозы.
Но поздно: вышла вся, устав от вопроса...
Причем за три поэта до меня!..
Пошел я вон

...туда, где не концерты
давали, а прощальный ананас.
Но вдруг сказал я очереди целой
надменно, точно прапорщик: «Равняйся!»
А девушке, невольнице прилавка,
признался, невзирая на жулье:
«Ваш внешний вид — серьезная заявка
на будущее темное мое.
Оно уже светлей от перспективы
совместного полета над страной.
Уж будьте так добры, свежи, красивы...» —
и замолчал, не требуя долива,
но — поцелуй затеплил неземной,
я очереди дал команду «вольно!..»,
позволил ей и дальше быть живой.
Я поднял ананас над головой.
Я шел, воздев его над головой!..
Вон я прошел, последний обожатель,
друг всех индейцев, верная рука.
Я знатный спонсор, деятель, держатель
контрольного пакета
молока.

Москва, Москва, на нервы мне не действуй!..
Я не пугаю, но и не шучу:
метро твоим хвалением — в знак протеста —
хоть слезавтра ездить прекращу.

Тогда, в застой, когда мы гнали вал,
Не вас ли я, простите, целовал?..

ИЗ НОВОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Я не был знаменит,
Но был не столь усат.
Отбросив ложный стыд,
Пошел я в детский сад.

Стоял сплошной июнь.
Большой ноябрь настал.
Ах, был я глуп и юн!..
А стал я глуп и стар.

...И ТАК ВЕСНА ТЕКУЩАЯ СВЕЖА

Опасливо,
надеждами киша,
из пяток возвращается душа.
Но отношенья пяток и души
у нас традиционно хороши.

Душевный ли холод,
Июльский ли зной, —
Я дал ей уйти,
Незнакомой со мной...

Поэт ли я — решит райфинотдел.
В Отечестве — не будем о пророке.
Я, в сущности, не так уж много съел,
Чтоб здесь еще выслушивать упреки!

ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Не грешу — мол, живется тошно,
Не твержу, что не та погода.
Настроение — это
то, что
Улучшается год от года!..

ИЗ ЦИКЛА «О СПОРТ, ТЫ?..»

Кто-то тянется к водному поло,
Кто-то жаждет натягивать лук...
А футбол популярней гандбола,
Ибо ноги волнительней рук.

Валентина ПЕТРЕНКО, кандидат экономических наук,
Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

УТЮГ С ИЗВИЛИНАМИ

Научно-статистическая повесть

В разгар всеобщего мыльно-порошкового дефицита, когда, казалось бы, стирка белья должна была отойти в область преданий, вдруг исчезли из продажи утюги.

Спрашивается: что же население глдит? Невольно возникает подозрение, что стирка отныне заменена гладкой. В самом деле, зачем стирать, когда нечем стирать, если можно пропарить исподнее утюгом с проутюжилником (извините за научный термин) и надевать на обессиленный беготней по магазинам организм.

Если это так, то не пора ли узаконить подобно открытию, выдав гению патент?

Однако никто не стучится в двери Госкомизобретений с такого рода предложением. Никто не публикует его в научных журналах. Что это — скромность гения? Или исчезновение утюгов не более чем случайность, которая, как известно, является одной из форм закономерности?

Поразмыслив, авторы решили подойти к утюжной проблеме с другой стороны. Со стороны статистики.

Итак, о чем же говорит статистика?

Статистика открывает перед нами одну сенсацию за другой! Мы, к примеру, считаем, что в нашей стране резко упало производство разного рода товаров народного потребления, а статистика свидетельствует об обратном. И на душу населения у нас производится такое невероятное количество потребительских товаров, что того и гляди наступят рай и полное изобилие. Ибо «по сравнению с предыдущим периодом» (любимое статистическое выражение) у нас сплошь и рядом стоит плюс. Что значит — больше.

Однако обратимся к утюгам, которых в магазинах шаром покати.

Вот вам данные по годам в миллионах штук:

1984	1985	1986	1987	1988	1989
14,7	15,4	15,9	15	15,4	15,1

Вы замечаете, уважаемые читатели, и особенно читатели, в целом никакого упадка в производстве электрических утюгов в нашей стране нет? С 1984 по 1989 год мы увеличили их выпуск на 400 тысяч штук, что вполне соответствует росту населения. Но обратили ли вы внимание на один небольшой нюанс? В 1987 году по сравнению с 1986 годом производство предметов для глажения уменьшилось почти на миллион штук. То есть если за пятилетку мы идем с уверенным плюсом, то в середине пятилетки возник некий зигзаг. Ма-аленькая извилина на диаграмме. А если учесть (как нам удалось узнать), что 3 миллиона штук наших желанных утюгов лежало в это самое время на складах, а не на прилавках, то что из этого следовало?

Правильно, товарищи читатели и читательницы, из этого следовало, что покупатель, обнаружив исчезновение отдельных утюгов в отдельных магазинах, бросился в другие магазины и «смели» весь утюжный запас, который в тех магазинах был.

И сколько потом ни напрягалась наша бедная промышленность и как потом ни вычерпывала складские запасы наша торговля, дефицит утюгов продолжался. Больше того, наступило полное безутюжье. Наступил ажиотажный спрос, который удовлетворить уже не было возможности, если, конечно, не увеличить производство этих бытовых штук по крайней мере вдвое. Потому что каждый покупатель — нужно ему или вовсе не нужно — хватал уже не по одному утюгу, а по

два, а то и по три, не будучи уверен, что наша замечательная торговля не преподнесет ему очередной сюрпризный зигзаг.

И здесь мы подошли вплотную к так называемым товарным, или складским, запасам. Мы уже упомянули, что в 1987 году, когда производство утюгов в стране упало почти на миллион, на складах пылилось три миллиона штук этого добра. Но почему бы этот запас не пустить в оборот? Почему бы не предотвратить ажиотажный спрос, который возникает всякий раз на пустом месте, будь то утюги, туалетная бумага, мужские носки или прочие товары так называемого «повышенного спроса»?

«Управлять товарными запасами — это значит всегда быть в состоянии удовлетворить требование клиентов, потребителей хранящихся товаров». Эти мудрые слова принадлежат известному французскому экономисту П. Зермати.

Впрочем, это мы знаем, что он известный. Нашему родимому Минторгу он, по всей видимости, абсолютно неизвестен. Иначе бы Минторг прислушался к его разумным идеям.

То ли наше торговое ведомство не ведает, что товарные запасы лежат на складе не для того, чтобы там ржаветь и пылиться, то ли оно вообще ничем не ведает, но товарные запасы утюгов и по сию пору лежат в хранилищах мертвым грузом, принося не прибыль, а убытки. Ах, если бы это касалось только утюгов!

Авторы могут с полной ответственностью заявить, что дефицит различных товаров — это прежде всего детище Минторга. Громоздкого и неповоротливого торгового ведомства, которое не только не умеет хорошо и оперативно управлять товарными запасами, но и не способно прогнозировать спрос (а ажиотажный тоже), несмотря на наличие в его структуре Всесоюзного научно-исследовательского института конъюнктуры и спроса, каковой в основном лишь констатирует исчезновение из продажи того или иного предмета потребления. И, констатируя, сокрушается: «Чего же стоят наши деньги, если из 1000 наименований товаров, за продажей которых следит ВНИИКС, в свободной торговле осталось около 100...»

По этому поводу и.о. директора этого уважаемого научного института А. Воронов в одной центральной газете очень справедливо замечает: «Дело в том, что ажиотажный спрос — это не только, а сегодня, может быть, и, повторяю, не столько экономическая, сколько политическая проблема. Ажиотажный спрос — прямое, явное недоверие народа к власти».

Здорово сказано. И главное, честно. Вот только не уточнено — откуда он возникает, этот проклятый ажиотажный спрос?

Мы спросили начальника отдела сводного планирования Минторга СССР Н. С. Миронова, знает ли он, сколько продано электроутюгов в разные годы и сколько валялось на складе?

— У нас такой информации нет, — пожал плечами Николай Сергеевич.

Не знали этого и в Госснабе.

— С тех пор как вошел в силу Закон о госпредприятии, а случилось это 1 января 1988 года, — все предприятия перешли на прямые связи. Куда что идет, мы не знаем, — ответил начальник подотдела электротоваров Н. Г. Прохоров.

Объяснение резонное, Госснаб, выходит, ни при чем. Но уж статистика, наверное, знает все, мы к этому давно привыкли.

Увы, и в Госкомстате не имели понятия,

сколько продано этих злосчастных утюгов и уж тем более — сколько их лежит на складах. О производстве — это пожалуйста, статистика знает: электрические утюги выпускают восемнадцать заводов семи различных министерств.

А вот о реализации — извините, не в курсе. Про все другие товары — будьте любезны, а вот насчет утюгов...

Неужели тайна?! Может, электроутюгами мы вознамерились вооружить нашу армию? Конечно, убить человека можно не только горячим утюгом, но и холодным, однако разве нет другого, более действенного оружия? (Кстати, мы узнали, что утюги делают и на заводах Минобороны, Минавиапрома, Минсудпрома и других сугубо оборонных министерств.)

В общем, никто не раскрыл нам тайну безутюжья. Пока мы сами не попытались проследить пути-дороги выпускаемых товаров бытового назначения, называемых в просторечии утюгами.

Так вот, к сведению Минторга и Госкомстата, разница между годовым производством и годовой же продажей этих товаров составляет от 2 до 3 миллионов штук.

Куда идут эти миллионы?

Ну, около миллиона — на экспорт. Да-да, мы экспортируем наши экстраутюги на Кубу, в Болгарию и даже в Бельгию. Но это было и до ажиотажного спроса.

Почти миллион идет так называемым внеыночным потребителям: службе быта, гостиницам, домам престарелых, детсадам, в воинские части (нет-нет, не для вооружения!) и т. п.

Остается еще почти миллион. Куда он идет, этот утюжный миллион? Можно только предполагать. По всей вероятности, уплывает в порядке бартерных (товарообменных) сделок. По системе: ты мне — видео, я тебе — утюги. А может, еще каким-то неведомым внеыночным потребителям. Тайное пока не стало явным ни для Минторга, ни для Госкомстата. Возможно, когда-нибудь «компетентные органы» установят, в какую черную дыру проваливается целый утюжный арсенал.

Однако даже из тех утюгов, которые считаются проданными через торговую сеть внутри страны, немало уходит за рубеж, о чем свидетельствуют данные таможенной службы. Так что при подсчете числа утюгов на душу населения следует к населению нашей страны приплюсовать и души кое-каких наших западных и восточных соседей.

...Да, разумеется, мы идем к свободному рынку. Мы демонтируем принесшую массу неприятностей номенклатурно-распределительную систему. Все так.

Но свободного рынка пока нет. И когда мы к нему придем — не ясно. Однако даже при свободном рынке, не говоря уже о трижды заклеенной системе распределения, нельзя торговать вслепую. Нельзя не знать, сколько у тебя товара на прилавке, сколько на складе и сколько ты должен получить, а также когда и откуда. Учет и прогноз спроса — это то, без чего не может существовать ни один, даже самый мелкий коммерсант.

Как же в таком случае существует такая коммерческая громада, как Министерство торговли? Да и нужен ли нам этот монополист, не умеющий делать то, ради чего создан?

Из тысячи наименований товаров мы взяли только одно. Но разве не в этой капле отражается наша действительность?

Конечно, нам могут возразить, торговля только продает то, что производят другие. И, дескать, не торговля виновата в дефиците.

В какой-то степени это правильно. Но правильно и то, что торговать надо умеючи. Надо уметь с толком распорядиться и тем, что есть, и тем, что лежит про запас, и тем, чего нет, но что следует заказать. И заказывать с упреждением. С умом. На основе глубокого изучения рынка.

Ведь рынок, дорогие товарищи, — это не только «что почему». И не только место, где торгуют. Рынок — это то заколдованное место, откуда начинаются социальная напряженность и социальные катаклизмы.

БОЖЬИ КОРОВКИ

Оседают, чуть подрагивая, на подоконниках и косяках дверных, словно бы к себе подтягивая стропы парашютов запасных. Точно угольки погасшие, а то пятнистые, как мухомор, а то почти пожарно-красные, вылетают в коридор. У дверей стоит уборщица, сокрушается она:

— Если бы была помощница...

а ведь тут все я одна...

Щеткой, ахая да охая,

водит по стене рассеянно,

той, что божьими коровками,

будто бисером, усеяна...

Знаешь, Фекла Акулинишна,

не отчаивайся зря

и тряпичей влажной ветоши

не сметай их с фонаря.

Посоветоваться есть с кем,

всё к добру, как говорят.

Может быть, и в клубе сельском

все дела пойдут на лад.

Словно над речной излучиной

прояснится горизонт.

Будут деньги сверху спущены

на положенный ремонт!

Что для обывателя наука — ничего не значащий довесок? Для него заманчивая штука — росчерки ракет на ликах фресок.

Утверждают, что ни говорите, истину беспечно обкорнав, что, мол, даже при палеолите был беспроволочный телеграф.

Домыслы об атомной войне, якобы прошедшей в веке бронзовом. Или подается все вчерне, или все рисуют в свете розовом.

Факты подтасованы, однако манят обывателя с афиш. Тем же, что паленым не пропахло, в наши дни его не удивить...

ЧУДАКИ

Не якшайтесь с дождем и со снегом тоже.
Жан Тардье.

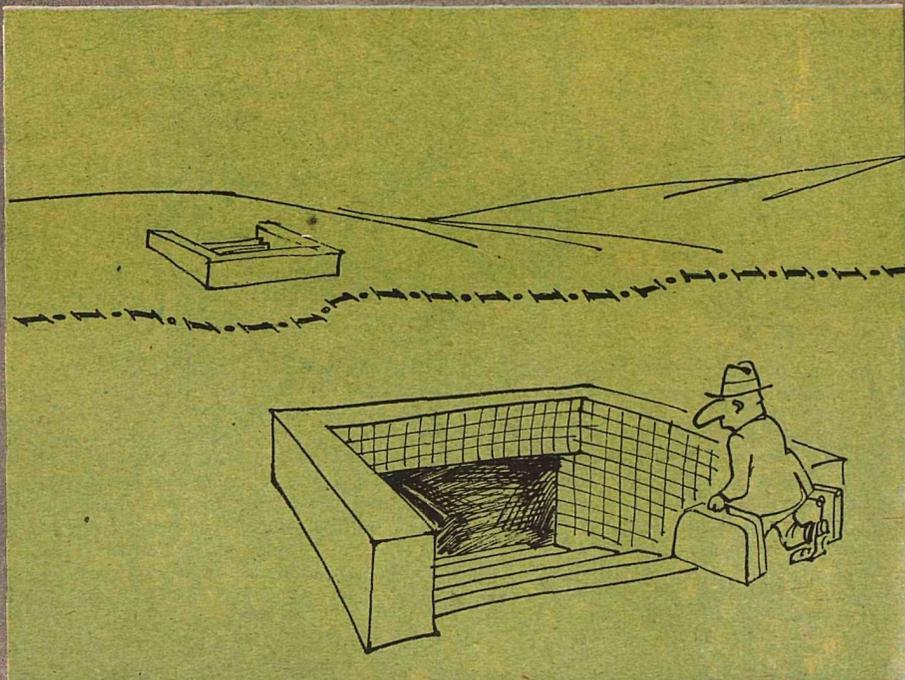
Глупцов обвинитель невольный чудак, он — мудрец наших дней. Ему со своей колокольни, что ж, многое все же видней. Чудак не боится простуды, до нитки промок под дождем... Чудаческие причуды! А мы под навес! Переждем... Чудак и в мороз нараспаху. И что ему сплетни и суд! Но искреннюю окраску чудачества явно несут. Пускай неказиста осанка. Но кто, как не он, жизнелюб? И признак здоровья — ветрянка украсила краешки губ.

МОЯ ПОЭЗИЯ

Приходит на меня взглянуть. Ей ни к чему мои объятия. Ее рассеянное платье мерцает, словно Млечный Путь. Порою кажется, она за что-то на меня обижена. Я рядом с ней грубей бревна, тупей, чем старая бульжжина. Но к недоверчивой щеке прикиннет искренней щекою, и вновь почудится, не скрою, что жизнь моя — на волоске!

А. УМАРОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

А. АЛЕШИЧЕВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В. ПОЛУХИН, Р. ДРУКМАН (тема).

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, М. ВАЙСБОРД (тема).

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

**Леонид ЛЕНЧ,
капитан**

ПРИЕМ У КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ

В газете Брянского фронта «На разгром врага» работали три писателя: И. Уткин, И. Рахтанов и я.

Я вел в газете сатирический отдел, названный нами «Осиновый кол». Уткин и Рахтанов, как могли, мне помогали.

И вот однажды редактор газеты Александр Михайлович Воловец объявил нам, что командующий фронтом генерал Еременко хотел бы лично познакомиться с корреспондентами центральной печати, работающими во фронтовой газете. Явиться нужно завтра к 10 утра на лесную поляну, где находится штаб командующего, там нас встретят.

Речь шла об Уткине, он представлял на Брянском фронте «Правду», и обо мне — спецкоре «Известий».

Узнав, что генерал нас приглашает, Рахтанов заявил:

— Я пойду с вами.

Мы ему сказали:

— Рахтанчик, но ведь никакой центральной орган печати на Брянском фронте, насколько нам известно, вы не представляете!

— Я пойду к Еременко! — упрямо повторил наш Рахтанчик — так мы его звали за его незлобивый и кроткий нрав.

Рахтанов вообще был любопытным созданием. Даже внешне он выглядел совсем не по-военному: квадратная фигура с уже наметившимся брюшком, одна нога волочится на ходу после детского паралича. На фронт он пошел добровольно.

Пришли на полянку, где стоял дач-

ный домик, занятый под штаб Еременко, минута в минуту.

Появился Еременко. Первым пошел Уткин — стройный, молодой еще, красивый, вторым — я. Я тоже старался не ударить лицом в грязь и показал генералу, что во мне есть военная косточка.

Генерал пожал мою руку, сказал какую-то любезность, выдержанную в общих тонах, я сделал поворот «налево кругом» и пошел к нашей скамейке, где сидели Уткин и Рахтанов. И тут Рахтанчик, волоча свою бедную ногу, направился к Еременко!

Вот он подошел к генералу, отдал ему честь и — первым! — протянул руку для рукопожатия.

Генерал с некоторой растерянностью ее пожал.

— Спецкор «Мурзилки» на Брянском фронте писатель Исай Рахтанов! — представился он. И, нежно улыбувшись, добавил: — Рад познакомиться.

— А что такое мурзилка? — как-то, мне показалось, недоуменно спросил Еременко.

— Журнал такой. Детский, — ответил Рахтанов.

— Ага! — сказал Еременко. — Ну, что же... продолжайте... в том же духе!

Рахтанов — опять первым! — протянул генералу руку для прощания, которую тот пожал, и пошел к нашей скамейке, где мы с Уткиным зажимали себе ладонями рты, чтобы не огласить неприличным хохотом всю полянку командующего фронтом.

— Ну, что? — сказал нам Рахтанчик победоносно. — Видали, как все здорово получилось?

**Надежда МЕРКУШЕВА,
гвардии младший сержант**

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Позвали, сказали: напиши что-нибудь веселенькое о войне.

Что отвечать бывшему солдату: есть, напишу. Но ответить-то легко, а что вспомнить? Прошло 45 лет.

Итак, я бывший гвардии младший сержант — две лычки на погонах, связист, но... самое-то главное, я — женщина. Помните пылливый вопрос из кинофильма: «Корнет, вы женщина или не женщина?» Шурочке Азаровой это приходилось скрывать.

Ну а нам, девушкам комсомольской мобилизации 1942 г., в апреле, в разгар войны, скрывать не приходилось: нас призвали в солдаты.

По первости служили в домашних платьях, юбках, кофточках.

Осваивали военные специальности: собирали и разбирали затвор винтовки (с завязанными глазами), учили уставы. Обычный учебный батальон. Готовились к принятию присяги.

И вот однажды, это было уже где-то в мае, для нас привезли обмундирование. Вечером старшина раздал форму. Приказал цивильные платья и ботинки, в общем, всю свою одежду, спрятать в сундучки и чемоданы и отнести в каптерку.

К отбою в ногах у каждой на нарах была аккуратно сложена военная форма, поставлены ботинки. Шинельки по уставу полочкой к полочке повешены на длинную вешалку из гвоздей. Погашен свет, и погрузилась в сон уставшая за день от строевой подготовки, от марш-броска наша девичья команда.

В середине ночи вдруг подняли по учебной тревоге. Мы быстренько оделись в обновки и построились в коридоре.

На нас высыпали смотреть все те, кто, я думаю, предвкушал это зрелище.

Мы спросонок еще не очень-то поняли, почему стоит такой, прямо скажу, ехидный смех. Но вскоре наш строй сломался и повалился от хохота. Старшина и командир роты смеялись аж до слез. Я вспоминаю эти мгновения и от улыбки до сих пор не могу удержаться.

Шинели на нас сидели колоколом, шеи торчали из широченных воротничков гимнастерок. Пилотки слезли на уши. Ботинки ЧТЗ — челябинский тракторный (так мы их окрестили) — были на несколько размеров больше, и между ботинками и ногой могла влезть пятачок. Резиновые ремни никак не затягивались и болтались.

Господи, на кого мы были похожи! Но общий смех помог делу. Нам скомандовали «разойдись», но прежде приказали в трехдневный срок подогнать форму и явиться на построение в надлежащем виде, в полном порядке.

Мы полезли в каптерку, достали наше цивильное барахлишко. И хочешь не хочешь, хватило трех дней, чтобы мы стали похожи на милых, чуть кокетливых солдатиков. О, тогда они уже не смеялись! Я думаю, вы понимаете, кто это «они»!

Когда же с оружием в руках была принята присяга, мы окончательно сравнялись с насмешниками. Началась наша серьезная солдатская служба.

И теперь, если я вижу в кино девушек-актрис, исполняющих наши роли, я завидую им: такие они ладные, с неземными прическами, в блестящих, незапыленных сапожках, в отутюженных гимнастерочках, и это в разгар боя? Загляденье! Вот так!

**Марк ВАЙСБОРД,
капитан**

В ПЛЕН К СВОИМ

Однажды во время одного из выездов на передовую в районе Салтовского леса, под Харьковом, редакционная машина попала под сильную бомбежку и была разбита. Мы все, кто в ней находился, разбежались в разные стороны и потеряли друг друга. Я остался один. Куда идти? Где кто? Пошел наугад. Шел довольно долго, пока не увидел поляну, на ней было очень много людей и, как мне показалось, не в нашей форме. Приблизившись, я увидел домик и... немцев. Причем немцев довольно много. Одни курили, другие закусывали, в общем, каждый занимался своим делом. Я остолбенел. О страхе уже и не говорю, было его предостаточно. Что делать? Оглянулся назад — тоже немцы. «Ну, все, — решил, — пропал». Вытаскиваю револьвер и... вдруг вижу, из дома выходит советский капитан, за ним несколько красноармейцев. Немцы повскакивали. Меня прошиб пот. Оказалось, пленными были они, немцы...

ДАВАЙ ЗАКУРИМ...

Шли тяжелые и упорные бои. Осень была дождливая, и бездорожье давало себя знать. Мы отступали, связь с тылами была не очень надежная. Газетная бумага кончилась. И вот радость! Привезли несколько рулонов, но очень тонкой, почти папирусной. Выхода не было, печатали газету на ней. И каково же было наше удивление, когда, будучи в частях, узнали мы, что она идет на расхват.

РЕДАКЦИОННЫЙ «БАЛЬЗАК»

Одно время (где-то между Харьковом и Сталинградом) у нас работал известный украинский писатель Н. Ледян-

1945 1990

ко. Я это имя знал еще в школе, где «прорабатывали» его роман. Встреча с живым «классиком» была неожиданностью. В хату вошел молодой уже, довольно полный, с кудрявыми волосами и с трубкой во рту человек. Первое впечатление — Бальзак (каким мы его знали по портретам). И так как это впечатление было не только мое, но и всех присутствующих, то его тут же окрестили и в дальнейшем только так и называли — *Оноре де Ледянко*...

СЛУЧАЙ С БУТЫЛКОЙ

Немцы наступали большими колоннами танков. Задачей нашей армии было остановить их любыми средствами. В бой пускалось все, что было под руками. Особой популярностью начали пользоваться бутылки с горючей смесью. Дабы привлечь внимание красноармейцев к этому виду оружия, газета посвятила ему целую полосу, озаглавив ее «Бойцу с бутылкой — танк не страшен». Газету засыпали письмами, в которых был плохо замаскированный вопрос: «С какой бутылкой?» Нас радовала эта почта: раз шутят, значит, настроение бодрое, боевое.

Почему я остановился на воспоминаниях «с юморком»? Да потому, что, как написал Ал. Сурков на книге «Декабрь под Москвой», подаренной мне 19.VI.42 г., «...что в шесть часов вечера после войны соберемся мы, военные газетчики, и будем читать веселые и не злые стихи».

**Юрий БОРИН,
майор**

СЕКРЕТНОЕ ЗАДАНИЕ

Война началась на рассвете 22 июня, а уже вечером я, в ту пору курсант одного из харьковских училищ, выполнял первое боевое задание: грузил топографические карты.

Карты лежали штабелями в подвале штаба Харьковского военного округа, и мы, brave восемнадцатилетние парни, перегружали их в автомашины, которые отправлялись на фронт.

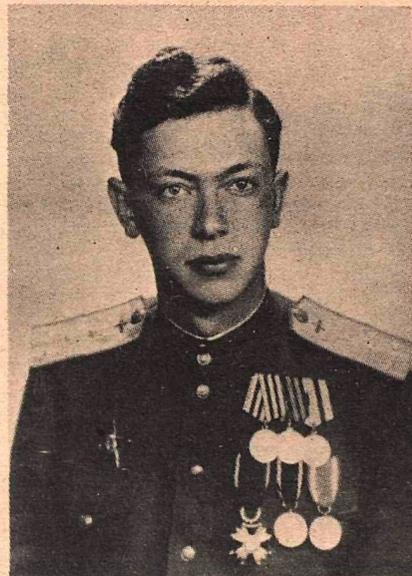
Работа шла всю ночь. Ближе к утру я, выбившись из сил, присел на груды карт и развернул одну из них. То была карта Польши и Германии. В полном соответствии с тогдашней военной доктриной предполагалось, что, в случае нападения на нас, мы будем вести войну на чужой территории.

Впрочем, совсем скоро мы почувствовали «прелести» этой доктрины на собственной шкуре, когда лежали под бомбами на воршиловградском вокзале, куда было эвакуировано наше подразделение.

В результате сложных передислокаций и маневрирования я оказался в Москве, где до этого не бывал никогда.

Москва была перегорожена противотанковыми «ежами», наскоро построенными баррикадами из мешков с песком, а над всем этим висели аэростаты заграждения. То и дело объявлялась воздушная тревога, и тогда редкие прохожие бежали прятаться в метро.

А вскоре я получил особо секретное задание. Задание заключалось в том, что я, новоиспеченный офицер военно-

воздушных сил, должен был вместе с двумя красноармейцами сопроводить по воздуху некий совершенно секретный груз. Груз находился в ящике, и мы отвечали за него головой. В случае, если он попадет к противнику, мы должны были его взорвать, а сами покончить с собой.

Можно было понять наше состояние, тем более что лететь надо было не в тыл, а на фронт, в самое пекло.

Вооружены мы были до зубов. Точнее, у меня был пистолет ТТ, а у солдат — винтовки образца 1891 года системы Мосина. Самолет же нам подали ЯК-6, четырехместный, без малейшего намека на вооружение. На таком самолете можно было лететь на развлекательную прогулку в сугубо мирное время, но уж ни в коем случае не на фронт.

Однако приказ командира обсуждения не подлежит, в особенности если командир дает столь ответственное поручение, которое я и солдаты восприняли как особую честь.

Мы погрузили ящик, сели в самолет и полетели в западном направлении. Полет проходил нормально и вот-вот должен был закончиться благополучной посадкой на военном аэродроме, как вдруг на горизонте показался «мессершмитт».

Пилот слегка занервничал и спросил меня: «Что будем делать?» Вопрос поставил меня в тупик.

«Не знаю», — промолвил я.

Вражеский самолет меж тем стремительно приближался. Мы, четверо, приготовились принять смерть достойно, как подобает советским воинам, а секретный ящик тут же подорвать гранатой.

Пилот попытался снизиться, но тихоходный наш самолет не был способен на головокружительные виражи. Да и куда ему тягаться с быстроходным «мессером»!

А фашист уже в десятке метров от нас. Еще немного, еще чуть-чуть — и не писал бы я сегодня воспоминаний...

И вдруг, о небо! Мы ясно видим, как немецкий летчик грозит нам кулаком и... делая вираж, улетает.

Мы были в шоке, а летчик чуть не посадил наш самолет на пики остроколючих елей, которые густо росли внизу.

И только придя в себя, мы поняли, что встретившийся нам «мессер» летел уже после воздушного боя. У него не осталось ни одного патрона, чтобы угробить наш жалкий аэроплан.

Мы помолились всем богам и через несколько минут приземлились на поле аэродрома.

До конца войны оставалось еще три года.

**Бор. ЮДИН,
гвардии майор**

КАК МЫ ОТКРЫВАЛИ...

— Вот так, орлы, задача ясна?

— Так точно, товарищ полковник. Откроем как положено. Разрешите идти?

— Идите. Я на вас надеюсь. Не опоздайте к открытию.

И мы пошли.

Мы — это старший политрук Лебедев и я, гвардии майор, из политотдела 34-й армии Северо-Западного фронта.

Путь по прифронтовым белорусским проселкам был неблизкий. По карте до Больших Озерков километров пятьдесят с гаком. А лесной гак, как известно, вовсе не равен гаку городскому.

Ночь, бодро движемся в указанном направлении.

Проходим спящие поселки и хутора, а дорога как будто стоит на месте.

Но что это? В одной из изб — огонек. Сердца у нас синхронно ёкнули. И сразу почувствовали и холод, и голод, и усталость.

— Постучим?

Постучали.

Открыла добрая бабуся, которую мы не описываем, потому что все знают, как выглядят добрые деревенские бабуси. Не задавая лишних вопросов,

усадил за стол и угостила всем, что было в доме. До сих пор помню вкус свежих ржаных лепешек.

Разомлев от еды и тепла, мы прикорнули тут же за столом. Очнувшись, когда уже светало. Ходики с висющим уютным вместо гири показывали, что до цели нам оставалось два часа.

— Бабуля, как тут напрямик пройти до Озерков?

Бабуля вышла с нами на крыльцо и показала на лесную просеку:

— Вот тут, сынки, прямки и будут. Бог вас благослови! — И перекрестила.

Мы распрощались и, оставив хозяйке наш лаек — хлеб, сало и сахар, — бодро зашагали дальше.

Спешили мы к открытию армейской школы младших лейтенантов с приветствием от командования.

Вскоре показалась деревня.

— Озерки? — спросили мы у пробегавшего мальчишки.

— Так точно, товарищи командиры! — И залихватски отдал честь.

— Где тут начальство?

Он показал на одну избу и умчался. В избе нас встретил старшина.

— Нам нужен командир части, — сказали мы ему.

— Я и есть тут самый старший.

— То есть как? Школой младших лейтенантов командует майор Гуськов. Он что, убыл?

— Никак нет, — отпартовал старшина. — Даже и не прибыл. Потому как нет тут никакой школы младших лейтенантов. А значит, и майора Гуськова.

— Старшина! — прогремел старший политрук Лебедев. — Мы тут с вами не шутить прибыли, а по делу! Докладывайте, где тут армейская школа?

— Не могу знать!

— Но это Озерки? — спросил я.

— Совершенно верно. Озерки. А вы куда направляетесь?

Я достал командировочное предписание, развернул и прочитал: ... направляются... Большие Озерки...

Мы пришли кратчайшим путем, но в другую деревню. Кто знал, что между Большими и просто Озерками было два десятка километров с тем же гаком?

Но точка в нашей незадавшейся командировке еще не была поставлена.

Выяснилось, что старшина действительно командует, но не армейской школой, а курсами кашеваров. И как раз сегодня первый выпуск.

И тут нас осенило. Не пропадать же заготовленному выступлению. Быстро сориентировавшись, мы попросили построить курсантов и от имени командования поздравили их с почетной и важной профессией — солдатских кормильцев. В конце концов, сказали мы, от таланта и отваги фронтового повара в немалой степени зависит исход боя. Солдат должен быть уверен, что его поддерживают не только «катуши», но и «брюнетки» (гречневая каша) и «блондинки» (пшенная каша), не говоря уже о другом разносоле.

Возвращаясь в свою часть, мы ждали разноса за оплошность.

Но, узнав подробности, полковник сказал:

— Задание вы, конечно, не выполнили, но искупили вину находчивостью и инициативой. Проверим теперь эффект вашего выступления классом армейских поваров.

**Александр СУКОНЦЕВ,
капитан**

РАЗГИЛЬДЯЙ

Поздней осенью сорок третьего в результате долгого топтания в обороне, непрерывных «разведок боем» артиллерийские части нашего Западного фронта стали испытывать острую нужду в младших командирах-связистах. Решено было в спешном порядке готовить их тут же, в своих тылах. В старом колхозном сарае оборудовали классы, натащили технику, у себя же нашли и учителей по разным воинским премудростям. Мне предложили принять учебный радиовзвод.

Ребята подобрались хоть и молодые, но бывалые, хлебнувшие соленого до слез: прямо «с передка» вытащили их из окопов, из землянок. Ну, нашлись, конечно, и такие, кто мечтал за эти два-три месяца всласть «ухо придавить», «позагорать», как тогда выражались.

— Не, — говорю, — славяне, насчет того, чтобы посачковать и покантоваться, — это как-нибудь в другой раз. После войны. Мы получили приказ: довести до каждого всю учебную программу, чтобы испечь из вас полноценных сержантов. Мы — люди военные, приказ выполним.

У некоторых физиономии скисли, но это уже по уставу ненаказуемо. Короче, задача была понята. И только один ханурик достался мне вроде как за мои грехи. Вот только за какие — не мог понять.

Как сейчас вижу я этого субчика Витю Нефедова, хотя со времени нашей с ним встречи многоночь лет прошло. Головка тыковкой. Уши оттопырены. Глаза круглые, светло-голубые с поволокой, сколько в них ни вглядывайся, в это зеркало души, — ни черта не увидишь. А в каком затрапезном

виде он предстал: шинель в сборках — плиссе-гофре. Бляха ременная на боку, шапка-ушанка задом наперед. Впору командовать:

— Шапка на месте, сам кругом! Приказываю привести себя в порядок и встать в строй. А он, негодяй, отойдет на три шажка, перемнется с ноги на ногу и опять топает как ни в чем не бывало. Приказываю командиру отделения:

— Займитесь с Нефедовым отдельно. Что за внешний вид у будущего младшего командира?

— Разгильдяй, товарищ лейтенант, — вздыхает пожилой сержант из кадровых красноармейцев.

В ходу было в армии это словечко. Разгильдяй — это похуже, чем сачок. Мороки с такими военнослужащими — будь здоров. Но, чую, мой Витя из разгильдяев разгильдяй. Спрашиваю его: образование какое?

— Не шибко большое, — отвечает.

— Что же так? Семья большая, работать рано пошел?

— Не. Учиться было неохота. — И так доверительно мне признается: — И сюда я зазря приехал, никакого командира из меня ни в жисть не получится. Мне и бабушка говорила: «В кого ты, Витенька, у нас такой непутевый?»

— Зачем же согласился ехать в учебный дивизион?

— А у меня кто спрашивал? Мы люди подневольные. Фамилию выкрикнули: «Нефедов!» Может, и не меня, у нас двое Нефедовых на батарее. А под руку я попался. Скомандовали: «Полезай в полуторку и поезжай, друг ситный, куда повезут».

Соорудили мы полосу препятствий, Нефедов с трехметрового настила прыгать отказывается.

— Боюсь за свое тело, — говорит, — покалечу.

Командир отделения сам три раза прыгал, показывал разгильдяю, объяснял. Подойдет Витя к краю, поглядит вниз и назад:

— Страшно. Расшибусь в лепешку. Встретил командира дивизиона, не поприветствовал:

— А мы с вами лично незнакомые. Лейтенант, преподаватель СЭС (так называли станционно-эксплуатационную службу), говоря о Нефедове, покачал головой:

— По-моему, он нам всем морочит... Пробовали воспитывать Нефедова методом кнута — взысканиями, но и это не помогало. Объявляет ему старшина два наряда вне очереди, Витя перед строем повторяет, как полагается по уставу:

— Есть два наряда. — А потом добавляет от себя нечто, совсем неуставное: — Воля ваша, ж... наша.

А с самими нарядами одна морока. Будит дневальный Витю задолго до подъема:

— Вставай, Нефедов, дуй на кухню картошку чистить.

А Нефедов хоть бы хны — храпит себе. Растолкает его дневальный, популярно объяснит задачу, и что же он слышит в ответ:

— Что я вам, на елке, что ли, достался — все Нефедов да Нефедов. Картошку все лопают.

С месяц мы с ним бились, видим, все напрасно: сам разгильдяй учиться не

хочет и другим мешает. Подал я рапорт начальству: прошу отчислить курсанта Нефедова из учебного дивизиона ввиду полной его неспособности к постижению воинской науки. Пришел он ко мне попрощаться... Что вы думаете, я просто не узнал своего разгильдяя: вроде он и в то же время не он. Под ремешком почти ни складочки, шапка, если уж не точно на два пальца от правой брови, на два с половиной. Даже на сапогах заметна попытка их почистить. Но самое главное, на гимнастерке — медаль! ЗБЗ — за боевые заслуги.

— Вот те на! — не удержался я. — Даже медаль!

— По ошибке получил, товарищ лейтенант, — отвечает мой Витя. — Я же говорил, у нас на батарее двое Нефедовых, награжден на другого послали, а его в тот час в наличии не оказалось. Вот она мне и досталась. Чтобы назад не отсылать.

И только тут разглядел я в Витиных голубых глазах незнакомую мне искорку. На прощание он сказал:

— Вы уж извините, что я вам тут нервы попортил... Все эти «равняйся!», «смирно!», «так точно!», «налево-направо» мне как серпом по... этому самому месту...

— Что делать, Нефедов, война. — Это я понимаю. Только по мне уж лучше на передок, чем эта дрессировка...

В тот же день солдат Нефедов отбыл в свою часть. А вскоре, закончив, как выразился мой разгильдяй, «дрессировку», в родную 11-ю гвардейскую артбригаду вернулся и сам незадачливый дрессировщик.

**Наум КВИТКО,
старший лейтенант**

**«ТАНЧИЦЬ БЕНДЕМ
ПО ВОЙНИ!»**

— Задание у тебя серьезное и деликатное, — сказал полковник из штаба 6-й гвардейской армии. — Прошу выполнить его очень тактично.

Получив такое напутствие, я отправился для связи в одну из польских полупартизанских-полуармейских бригад на самой границе Польши и Литовской ССР.

Здоровенный битюг, на котором я восседал верхом, видимо, из принципа передвигался только шагом, и никакие мои кавалерийские ухищрения не могли его расшевелить. Поэтому в расположении бригады я прибыл лишь вечером.

Меня подвели к большому сараю, внутри которого за закрытыми столами сидели офицеры, солдаты, какие-то люди в штатском, очевидно, из местных жителей, и несколько девушек в форме Польской армии.

В сарае стоял гул, обычно сопутствующий разгару застолья. Кто-то играл на аккордеоне, кто-то напевал, и все разговаривали... Для меня это было по меньшей мере неожиданно.

— Присоединяйтесь, — приветствовал меня, очевидно, старший из присут-

ствующих. — У нас сегодня День Константина, а в нашей бригаде три офицера и два солдата Константины. Ну, и я, комендант бригады, тоже Константин...

Все ясно. Только мне от этого легче не стало. Как себя вести в данной конкретной обстановке, я, совершенный трезвенник, увы, не знал.

«Главное, — лихорадочно соображал я, — открутиться от стакана первача за здоровье всех Константинов. Но как?» Долго думать нельзя было: я мог обидеть хозяев, что категорически не рекомендовалось.

В это время аккордеонист заиграл душещипательное довоенное танго.

«Блестящая идея, — пронеслось в голове, — пойду потанцую и за это время что-нибудь придумаю, во всяком случае, приду в себя».

Все девушки уже танцевали. Только одна с пышными пепельными волосами сидела у стола.

— Разрешите, — галантно, как подобает офицеру, произнес я.

Девушка бросила на меня совершенно безразличный взгляд и произнесла:

— Танчиць бендем по войны!

Дословный перевод этой фразы: «Танцевать будем после войны». Но в действительности, догадался я, это означало: «А катись-ка ты подальше, незванный пан! Не стану я танцевать, когда мой Константин пригласил не меня, а другую паненку!»

Выручил меня один из офицеров, который спросил, могу ли я помочь перевести очень популярные тогда стихи Симонова «Жди меня». Несмотря на то, что мои познания польского ограничивались несколькими десятками слов, я немедленно засел за перевод, разумеется, подстрочный...

В канун тридцатилетия Победы я отдыхал в Доме журналистов под Варной. Как-то после ужина, когда завязались всякие интересные разговоры, я рассказал об этом эпизоде польскому журналисту, сотруднику одной из варшавских газет.

Рядом сидела его жена, не очень молодая, но грациозная и изящная, как

**1945
1990**

инство польских женщин. Дослу- она поднялась из-за стола и по- к оркестру, игравшему у нас по ам. И вдруг оркестр заиграл тан- самое, довоенное, сентименталь- анго.

жена журналиста остановилась о мной и сказала:

Разрешите пригласить вас на . и пусть это будет извинением за тактичное поведение тогда, в ав- сорок четвертого...

Им. ЛЕВИН,
капитан,
председатель Совета
ветеранов «Крокодила»

ВETERАНЫ КОМСОМОЛЬСКИМ ЗНАЧКОМ

одил в историю 1945-й — год под- го сотворения мира!

вый — 1946-й многие из нас еще чали вдали от родных очагов.

ударная армия, начавшая свою говую биографию еще на берегах ва, заканчивала ее в семисотлет-

прекрасном университетском го-

Грайфсвальд на севере Герма- не потревоженном войной (фаши- й гарнизон капитулировал без

новогодняя ночь, первая мирная, одновременно и последней в об-

боевом братстве: кого-то ждали е назначения, кого-то — учеба,

о-то (таких большинство) — «гра- ка» во всем ее многообразии.

главе стола — сам прославлен- ще с Халхин-Гола, один из спод- ков Г. К. Жукова, Герой Совет-

Союза генерал-полковник Иван ич Федюнинский.

же не помню всего, о чем он л. Врезалось навсегда лишь на-

обращения: «Дорогие соратники,

боевые друзья, ветераны Великой Оте- чественной!..»

Слова были встречены, как принято писать в газетных отчетах, веселым оживлением в зале, переходящим в смех. Они воспринимались не больше чем новогодняя шутка.

Ну, действительно, какие из нас к черту ветераны, когда большин- ство — не только старлеи и капитаны, но даже многие майоры и подполковни- ки — не вышли из комсомольского воз- раста... Ветераны — это те, кто лежит на печи и греется на завалинке, подставляя солнцу сморщенную веко- вой жизнью физиономию, а мы... мы-то тут при чем?

В ту новогоднюю ночь слово «вете- ран» повторялось бесчисленно и непре- менно на веселый лад. Стучали крепки- ми кулаками по могучим плечам и во- прошали:

— Ну, как, ветеран, не гнешься?

— От ветерана слышу,— раздава- лось в ответ вместе с богатырским ру- копожатием.

Приглашая наших милых девушек на танец, непременно говорили: «Не отка- жите ветерану», на что те, ничуть не смутившись, отвечали: «С удовольствием, ведь и я, как ни говорите, такой же ветеран...»

Помню, кто-то притащил тяжелен- ную железяку, пуда на полтора, и по- шло состязание на звание «самого вете- ранистого ветерана». Звание при- сваивалось не победителю, а побе- жденному, то есть тому, кто поднял железяку наименьшее число раз. Это ведь и естественно: слабак — он и есть ветеран.

А за столом все дружно пели нашу фирменную песню-самоделку: «Где бы ни был ты, что бы ни было, не грусти же, мой друг, никогда. Долго помни ты фронтовые дни и молодость, что с нами навсегда!»

Да, те, кто дошагал до Победы, от- ныне и навсегда молоды! В этом никто из нас не сомневался.

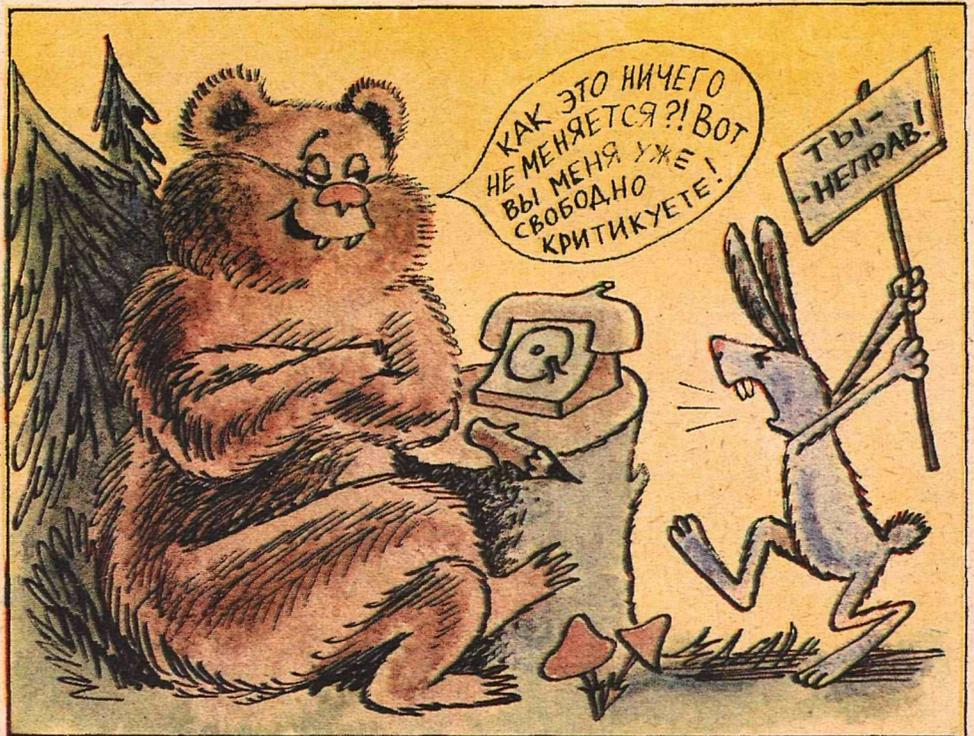
Молодыми возвращались мы к отече- му порогу.

Нас, москвичей, ждали, раскрыв объятия, пестрые, шумные, но такие родные коммунальные квартиры с по- лувзводом жильцов, на вооружении ко- торого был десяток примусов и кероси- нок, непонятно каким образом умещав- шихся на крохотном кухонном плацдар- ме, один на всех настенный коридорный телефон, единственные на всех места общего пользования...

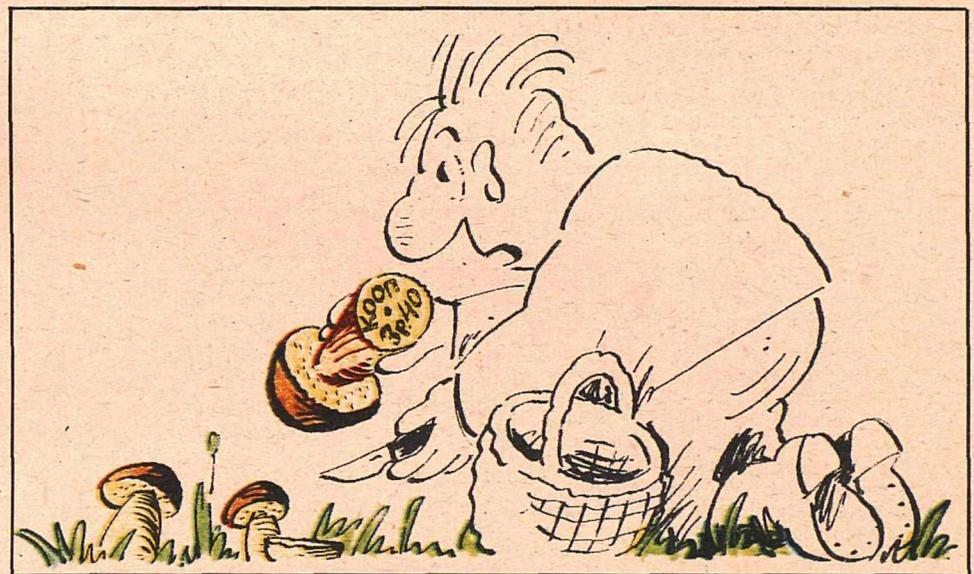
В тех же межнациональных комму- налках весело играли свадьбы. Жени- хи — в гимнастерках, без погон и при орденах, невесты — в перманенте, уло- женном горячими щипцами, и в марке- зетовых платьицах с рукавами-фонари- ками. Вся свадьба гуляла на одолжен- ных у соседей столах и табуретках, с разнокалиберными тарелками, вилка- ми, стаканами и чужими патефонами. Только молодость, песни, смех и наде- жды были своими, незаемными! Неда- ром каждый фронтовик с полным пра- вом считал себя однополчанином Васи- лия Теркина!

Та теркинская школа оптимизма жива в нас и поныне. Это она помогает нам и по сей день держаться в седле, даже тем, кто никогда не садился на лошадь.

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕСА...

А. ЧИЖИКОВ, Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

О. ТЕСЛЕР, Д. РЕЗЧИКОВ (тема).

Р. ДРУКМАН.

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

Случалось ли вам, дорогой читатель, встречаться на страницах дореволюционных журналов с сатирическими зарисовками или пародиями, юморесками, фельетонами автора с необычным псевдонимом Мистер Морг? Не исключена возможность такой встречи, хотя массовому современному читателю это имя ничего не говорит. А между тем оно существовало и принадлежало моему деду, журналисту, писателю, художнику-графику — Гронову Алексею Матвеевичу (другие псевдонимы — Буревестник, Овод, А. Кротов, А. Кузнецов и др.).

Дед родился в 1888 году в семье сельского учителя. В 1907 году окончил Московскую гимназию, начал печататься еще гимназистом. В университет допущен не был ввиду политической неблагонадежности. Первый его фельетон был опубликован в местной газете «Русский листок» в начале декабря 1905 г., а спустя год вышла первая книга его рассказов, посвященная событиям первой русской революции, — «Поручик Борисов. Кровавые слезы». Сразу после издания этот сборник был конфискован, а Гронов привлечен по ст. 125 (оскорбление существующей власти, армии, религии) и приговорен Московской судебной палатой к одному году крепости.

Не буду подробно приводить перечень изданных им книг (в основном до революции),

скажу только, что принадлежат они к разным жанрам: романы, повести, рассказы, новеллы, пьесы, лирика, публицистика, сатира и юмор. Кроме того, до революции дед был главным редактором ряда журналов, альманахов, сборников, газетных изданий. С 1918 по 1931 год работал сначала в «Известиях Омского Совета...», затем в сибирском «Гудке», позже в московском «Гудке» и «Крестьянской газете». Погиб в 1937 году...

Может заинтересовать и тот факт, что А. М. Гронов был неплохим художником-иллюстратором, карикатуристом и плакатистом. С 1905 года его рисунки печатались в литературных журналах («Пулемет», «Стрелы», «Огонек», «Лукоморье», «Солнце России») и сатирических («Бурелом», «Оса», «Сатирикон»). А в парижском журнале «Lectures par Fous» в 1912 году дед работал художником-иллюстратором.

В 1915 году в издании «Апож» вышли три серии открытых писем с иллюстрациями и карикатурами Гронова А. М., а в 1917 году в том же издании — серия открытых писем-карикатур о февральской революции.

Предлагаю вашему вниманию рассказ, карикатуры, анекдоты и стихи, сочиненные дедом и взятые мною из разных дореволюционных журналов.

Л. ПЕТРАШОВА.

КТО ТАКОЙ МИСТЕР МОРГ?

В ЖЕНСКОЙ ШКОЛЕ

Учитель: — Петрова, вот Сидорова не знает, какая вещь самая необходимая в домашнем хозяйстве? Скажи ей.

— Конечно, жена, господин учитель.

ИЗ РАЗГОВОРОВ

— Скажите, какое общество собирается у Культяпкиных... Могут ли я бывать у них с дочерью?

— Теперь я с ними разошлась, но когда бывала у них, то, сказать откровенно, общество было не совсем приличное.

ЛЮБЕЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Слушай, у меня сегодня новоселье, подари бутылочку коньячка от Шустова.

— С удовольствием, если ты ее вернешь завтра обратно, по случаю моих именин.

УДРУЖИЛ

— Дядя, дай молочка.
— Откуда же мне взять его, голубчик?

— А как же мама сегодня утром говорила папаше, что ты у нее дойная корова?

ИЗВЕСТНОМУ ПИСАТЕЛЮ А. В. АМФИТЕАТРОВУ, который держал в Петербурге театр и прогорел на антрепризе:

«Жаль, что ты Амфитеатров, Жаль, что держишь ты театр, Лучше был бы ты Театров И ходил в амфитеатр».

ГУБЕРНАТОРУ ОДНОЙ ИЗ ГУБЕРНИЙ, который обошел в своем рапорте слово «голод», заменив его другим, более мягким — «недород»:

Солиден, важен и не молод, Скорей красавец, чем урод, Но жаль, что вместо слова «голод» Ты узаконил «недород».

ОТСТАВНОМУ ЛИБЕРАЛУ

В возвышении очень быстром Смело власти достигал — И как только стал министром, Повернулся либерал.

БОЛЬШОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Достиг ты степеней больших, Тебя в России не забудут — И как ты ешь теперь других, Тебя так черви кушать будут!

Бр. ШУСТОВЫМ

1-му
Его платформа — за буфетом, Споить народ — его завет. И правверным стал «кадетом Спотыкач, тогою одет.

2-му

Он монархист, он враг кадетам, Громит прогресс на целый свет, Но служит братьиним заветам, Снабжая водкою буфет.

ИДИЛЛИЯ

Свежестью и лаской благоухала трава, листья и цветы, свет и аромат, и прохладен был воздух.

— Ах, как приятно, как весело жить! — перекликались птицы.

— Ах, как приятно, как весело жить! — перекликались внизу букашки и козявки.

— Ква, жить хорошо, — сказал, просяпая, лягушонок.

— Кме, как много зеленой, вкусной травы, как хороша жизнь! — жадно набросился на душистую траву теленок.

И довольные, счастливые птицы принялись угощаться букашками, а одна, белая с длинным клювом, съела и лягушонка.

За маленькой птичкой погнался коршун, настиг и умертвил ее... Закапала кровь на землю, и одна капля упала на нос теленка.

— Какая смешная штука, — подумал теленок.

Но пришло еще одно животное с грустными, серыми глазами, в животе у него переваривалась парочка птиц и кусок теленка... Оно посмотрело кругом, заметило кровь и перья на траве и на мордочке телка и сказала:

— Боже, как жестока жизнь! Бедная птичка! Как страшно жить! Смерть ходит по пятам, а я не могу объяснить, зачем нужна смерть и для чего дана жизнь...

И человек заплакал.

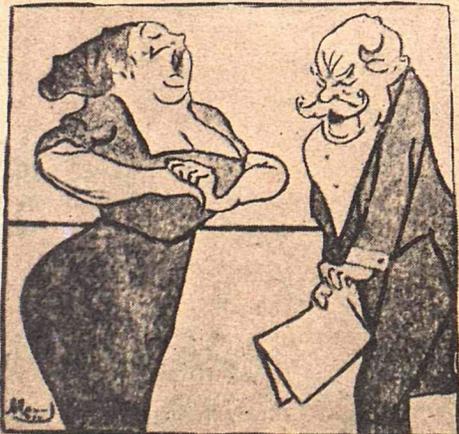
Кругом радовались все.

По неизменным и вечным законам шла красавица жизнь, полная шума, форм и движения...

Перестал плакать и человек! Он погладил теленка и подумал:

— А телушка-то жирная. Можно в город отправить...

Зарисовки А. ГРОМОВА.

ВЕДОМСТВЕННЫЙ БОГ

Зайдите в любое министерство, и вас охватит такой же трепет, который охватывает верующего, когда он попадает в храм. Вы почувствуете свою малость и ничтожность перед какой-то сверхъестественной силой, которая все видит и все может. Вместо богобоязненности вы ощутите нечто не свойственное ни одной религии, но хорошо знакомое многим гражданам страны. Вы впадете в министерствобоязнь, ибо в каждом штабе отрасли царит такая же загадочность, как в любом храме.

Вот ведомство, близкое к богу, — Министерство гражданской авиации. Ему сам бог велел создавать для своей клиентуры атмосферу, в которой есть место для потусторонних, необъяснимых разумом человека влияний.

Примеров, когда авиапассажир подвергается воздействию ведомственного бога, немало. Приведем такой, где сами работники гражданской авиации пасуют перед сверхъестественным началом. А суть такова: 28 октября прошлого года гражданка З. Чурсина вылетела рейсом № 924 Тбилиси—Москва. Полет прошел, несмотря на близость к небесным силам, без особых чудес. Если не считать за чудо исчезновение сумки З. Чурсиной с вещами весом 20 кг. Выяснилось это на земле, и З. Чурсина-расценила данный факт как обыкновенное разгильдяйство. Позже она поняла, что не все так просто, скорее всего в системе гражданской авиации действует какой-то высший разум. Он действует, как ему бог на душу положит, иногда противореча самому себе. А одернуть его авиачников не могут, так как сами под ним ходят.

Во Внуково так сказали пострадавшей: «Обращайтесь в Тбилиси, мы не знаем, почему они не выслали вашу сумку!»

В министерской приемной, куда, испытывая вышеозначенный трепет, обратилась З. Чурсина, заверили, что благодать в виде исчезнувшей сумки снизойдет на нее со временем, а пока она может следовать далее в свой поселок Охотск Хабаровского края.

В ноябре она получает письмо из Внуково от начальника СОПП А. Киселева: «Розыск вашего багажа положительных результатов не дал, а поэтому для решения претензии на претензионной комиссии по возмещению материального ущерба за утрату багажа вышлите в наш адрес а/билет или копию, надлежаще оформленную, справку о неприбытии багажа и заявление-претензию с указанием содержания и его стоимости».

Стиль письма далек от божественного и даже от простого русского языка (особенно хорош «а/билет»), но надо учитывать, что мы имеем дело не с обыкновенным богом, а с ведомственным. Как показало дальнейшее, этот бог в отличие от общечеловеческого весьма своенравен.

Документы З. Чурсина отправила. А через месяц напомнила о себе телеграммой. В январе ответ: по поводу возмещения ущерба обращайтесь в Тбилиси.

Телеграфировала в Тбилиси. Не дождав ответа, позвонила в Москву. Столица, сославшись на известные тбилисские события, попросила набраться терпения.

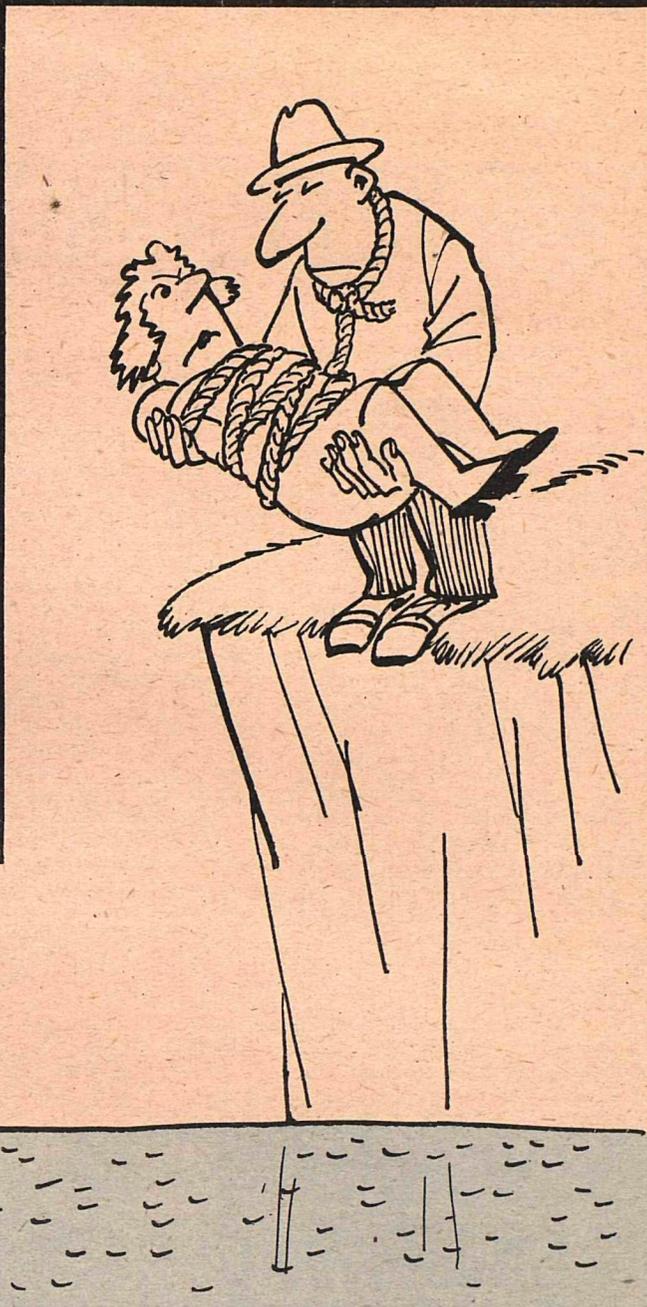
Новый звонок в Москву через месяц. Оказалось, Тбилисский аэропорт вообще ни при чем, а при чем как раз аэропорт Внуково, где и случилось хищение багажа.

Полгода мытарят а/чиновники (заразильсь!) женщину, подчиняясь сигналам своего бога. А посему скажем им, применительно к пропаже сумки З. Чурсиной, словами из Библии: «Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся».

Э. ПОЛЯНСКИЙ.

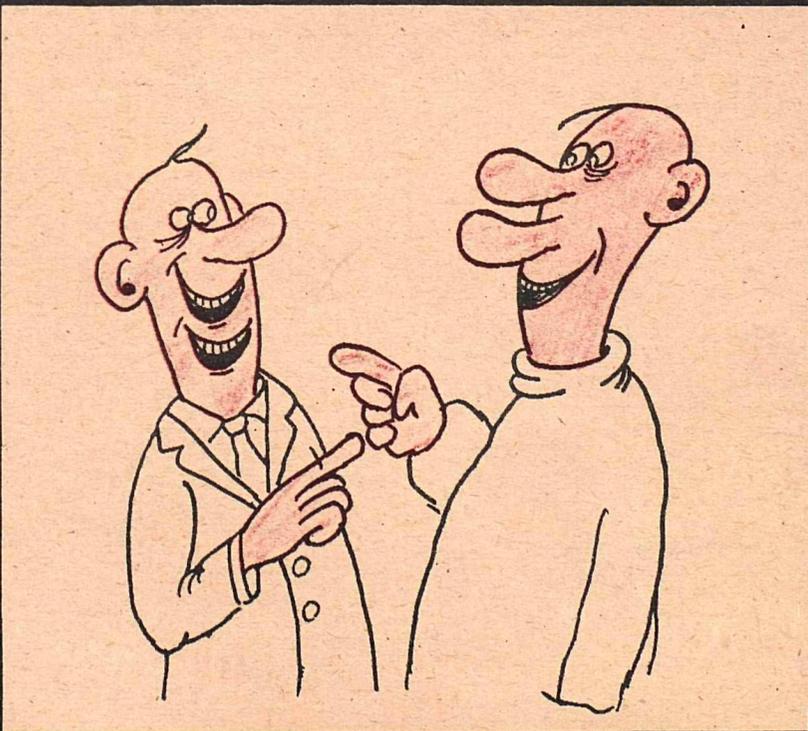
Р. ДРУКМАН.

А. АЛЕШИЧЕВ.

К. СТАРОСЕЛЬСКИЙ. г. Барнаул.

В. ЛУГОВКИН.

О. ГУЦОЛ. Кировоградская обл.

Н. РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

АЛЬТЕРНАТИВА ХЕКУ

Хороша «голубая нива»! Ни сеять, ни пахать не требует. Знай вытаскивай урожай из моря. Будь то рыба или водоросли. А уж о морских моллюсках и говорить не приходится. До смешного доходит! Опустил, к примеру, в море веревочку-коллектор с грузиком на конце и вынимай ее через год, всю облепленную ракушками мидии. И в каждой ракушке — прекрасное калорийное мясо с 20%-ным содержанием белка. Себестоимость выращивания мидии — 40 копеек за один килограмм.

Интересно, как смотрит на этот морепродукт мировая экономика? Я потянул носом. Ветерок, дующий из-за рубежа, среди прочих нюансов явственно донес запах поджаренной мидии. Ну, так и есть! Готовят блюда из моллюска. Выращивают до 500 000 тонн мидии в год и балуют себя кулинарными изделиями из нее.

А мне, знаете ли, тоже хочется попробовать чего-нибудь новенького и вкусенького, приготовленного из даров моря. У меня, знаете ли, недавно от постоянного употребления хека серебристого в анализах, извините, серебро врачи обнаружили.

Еду на Дальний Восток проработывать этот вопрос. Наверняка нет рецептуры блюд из мидии, технологий приготовления и прочего.

— Есть у нас и рецептуры, и технологии, — пояснил мне при встрече заведующий экспериментально-технологическим отделом НПО «Дальрыбсистемтехника» А. П. Мартынюк. — Разработаны нами совместно с производственно-технологической лабораторией «Приморрыбпрома»...

Передо мной разложили документы — и начался пир, сплошное объедение. Воображаемое, разумеется.

Начал я с закуски «Мидия в уксусной заливке». Затем попробовал «Мидию в горчичной заливке».

С пивом хорошо пошла «Мидия сушеная». Потом отведал консервов «Мидия с морской капустой и овощами». Все было необычно и вкусно. Аппетит мой от непривычных блюд разгорелся и бушевал, как пламя в паяльной лампе. Консервы «Мидия копченая в масле» я проглотил, словно устрицу, и потребовал подать мидию тушенную с луком, плов «Таврический» и солянку из мидии.

Но все, хватит изнушать фантазию! Впрочем, «Мидию копченую в масле» и плов «Таврический» мне все же удалось попробовать наяву. Угостили меня этими блюдами на Дальневосточной базе флота по добыче и переработке морепродуктов в поселке Зарубино, где их производят. Продукты очень калорийны, с грибным привкусом. В магазинах и столовых Владивостока я их не встретил, потому что производимое количество — капля в море.

— Очень трудоемка разделка мидии, — пояснил мне главный инженер этой базы М. Ф. Портман. — Все вручную. Нет в стране механизированной линии для разделки этого морепродукта...

Да, старинный мотив. Слово колыбельная песня. Хочется закрыть блокнот и вернуться домой — все ясно. Господствуют дедовские приемы труда, а новая техника, как великие полотна в живописи, создается у нас десятилетиями. Не дожидаться, видимо, ее в обозримом будущем. Да здравствует хек серебристый!

А может, заглянуть еще к производителям, которые выращивают мидий? Может, и у них какие проблемы? Ветерок, к примеру, не хватает или грузиков...

В поселке Посыет меня встретил начальник экспериментальной морской базы марикультур А. Г. Васьков. Эта база и занимается выращиванием моллюсков в естественных условиях. Своего рода морская ферма с водными плантациями.

— Наша база может подготовить под мидию 1000 гектаров морских угодий, — сообщил мне Васьков. — Это 40 000 тонн живой мидии в год, или 18 000 тонн чистого белкового мяса. При условии, что у нас будет...

— ...механизированная линия для разделки мидии, отсутствие которой сдерживает увеличение объема производства этого морепродукта, — закончил я.

— Точно так, — подтвердил Васьков.

Интересно, а что скажет по этому вопросу руководство «Приморрыбпрома»?

— Бьемся за приобретение голландской линии для разделки мидии, — радостно сообщил мне генеральный директор Б. И. Трофименко. — Стоит 1,5 миллиона инвалютных рублей. Отечественных линий нет...

Тут на меня девятым валом нахлынула непреодолимая тоска: и тут нужна валюта! Да если все капстраны сгребут под метелочку свою валюту и отдадут ее нам для решения всех перестроечных проблем, все равно не хватит. Потому что нужно всем сразу. И неотложно. Как кислород инфарктнику...

Перспектива роста производства малютки мидии таяла, словно морской туман, а мое уважение к скромной ракушке росло.

От специалистов я узнал, что мидия — не только прекрасный продукт питания. Она доктор. Из нее готовят препараты для лечения радиационных заболеваний, причем без побочных явлений. Простой отвар из нее помогает при лейкозании. Клей, которым мидия приклеивается в воде к различным предметам, применяется за рубежом в хирургии для склейки костных суставов.

А что такое «мидилан»? Это парфюмерное золото, препарат, способный украшать наших женщин. Получаемый из клеточного сока мидии, биологически активный материал для приготовления кремов и лосьонов стоимостью 700 рублей за один килограмм...

Вам уже понятно, что в створках моллюска таятся большие ценности, в том числе валютные, которые рачительный хозяин может достать из воды и обратить на благо людям?

Но, говорят, нет для этого машин: никак не удается создать их.

Сложность в том, что при разделке мидии надо отделить от мяса крохотный корешок — бисус, которым мясо крепится к ракушке. Корешок жесткий, невкусный, оставлять его нельзя, но и удалить машиной очень трудно. Вот конструкторская мысль и застряла в лифте прогресса...

В Москве я обратился за консультацией во Всесоюзный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Результат получился ошеломляющий.

— Есть отечественная линия для разделки мидии, — сообщили мне в лаборатории марикультуры. — Разработана институтом ЮГНИРО. Это в Керчи. Там решили проблему бисуса...

Я схватился за телефон. Трубка заговорила голосом Н. И. Жилина, руководителя группы института ЮГНИРО по разработке оборудования для переработки мидии.

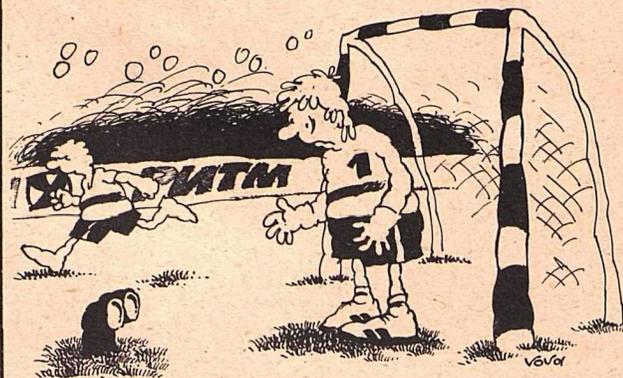
— Да, такая линия у нас есть, — подтвердил Николай Иващевич. — Правда, сделана она для обработки черноморской мидии. Однако ее легко модернизировать для дальневосточной мидии, которая размером меньше черноморской. Но приморцы к нам не обращались с такой просьбой. Если обратятся, готовы помочь. Есть у нас и голландская линия для сравнения. Нас она не устраивает: бисус не отделяет, клеточный сок не отбирает...

Я вспомнил генерального директора «Приморрыбпрома» Трофименко, мечтавшего за 1,5 миллиона инвалютных рублей приобрести эту голландскую линию... Интересно, что заставляет наших хозяйственников порой так опрометчиво, не вникнув в суть, набрасывать на любую закордонную технику, закатив от восторга глаза?

И еще любопытно, почему наши производственники зачастую знают о технических новинках в отрасли столько же, сколько о происхождении марсианских каналов? А может, просто прикидываются незнайками, не желая обременять себя лишними хлопотами, связанными с внедрением новой техники?

Говорят, в морской воде растворено золото. У нерадивых хозяев оно утекает сквозь пальцы. Вместе с водой.

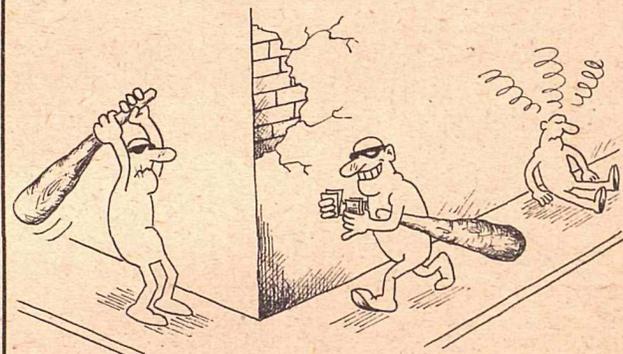
Приморский край.

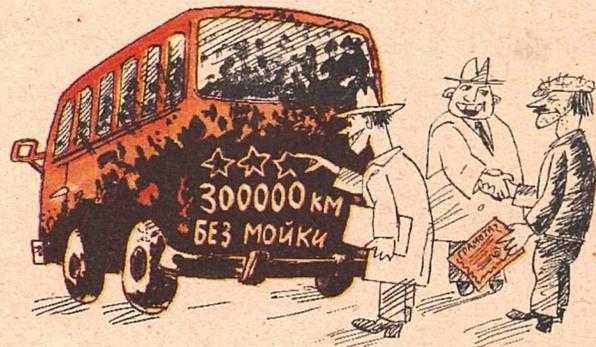
В. ИВАНОВ, г. Ярославль.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

П. ВИНОГРАДОВ, г. Яван.

С. СПАССКИЙ.

В. ДУБОВ.

БЕСПОКОЙНОЕ УТРО

В Амстердаме пахло борщом.

Особенно явственно этот экзотический запах, нахально перешибающий традиционные ароматы древнего города, ощущался в самом его центре, на улице Лейдсеплейн.

Прохожие удивленно вертели головами, стараясь определить, откуда исходит этот, прямо скажем, нетипичный для Голландии дух. Возможно, чуткие носы столичных обывателей и распознали бы соответствующий источник, но дело осложнялось наличием на соседней площади большого числа, говоря по-нашему, предприятий общепита: ресторанов, баров, кафе, буфетов, закусовых «Макдональдс».

Не в силах взять след, горожане нервничали, суеились, выбегали на проезжую часть узких, мощенных камнем улиц, чем вызвали сильное негодование владельцев всевозможных транспортных средств, среди которых преобладали велосипеды.

Не скрою, меня забавляла эта суматоха. В какой-то момент я даже решил было подойти к какому-нибудь мечущемуся по площади почтенному амстердамцу и сказать: «Сударь, держу пари, что вы никогда не отгадаете, откуда это так аппетитно пахнет!» Однако, хорошенько поразмыслив, передумал: это было бы просто нечестно, ибо я-то знал, что источником борщового аромата является учреждение, которое заподозрил в приготовлении русского борща, да и вообще какого бы то ни было блюда, просто абсурдно! Но в том-то вся штука, что именно абсурд, и не местный, а наш, русский, и был главной причиной появления борщового запаха в столице Нидерландов утром 11 февраля 1990 года.

Борщом благоухал... театр «Белльвью»!

Но, как говорится, обо всем по порядку. Мы еще вернемся на уютную Лейдсеплейн, чтобы разгадать эту литературно-кулинарную загадку. А сейчас отправимся в соседний с Амстердамом тихий, спокойный, лишенный столичного блеска Амстелвеен и посетим выставку, ради которой и приехал я на исходе зимы в уже зеленую, галдящую птицами Голландию.

«ВПЕРЕД, ПЕРЕСТРОЙКА!»

Ровно 40 лет назад юный Фриц Берендт нарисовал свою первую в жизни карикатуру. Теперь он признается, что и не помнил тогда о карьере профессионального художника-сатирика. Судьба распорядилась иначе: он стал одним из самых известных и популярных в Голландии карикатуристов.

Впрочем, не буду пересказывать его творческую биографию, ибо наши читатели уже знакомы с Берендтом. Ведь это именно он стал инициатором проведения в столице Нидерландов первой на Западе выставки рисунков «Крокодила», о которой мы рассказали на страницах журнала в начале нынешнего года. Теперь эта экспозиция путешествует по Европе. С ней уже познакомились в Западной Германии. Скоро отправится она в Англию. Затем — Франция, Швейцария, Западный Берлин...

Вклад Фрица Берендта в развитие творческих контактов сатириков наших стран отмечен специальным дипломом «Крокодила».

Однако хватит протокола. Пора и на выставку. Тем более что она не простая, а юбилейная, посвященная сорокалетию творческой деятельности мастера политической карикатуры. А посему благодарный Амстелвеен, в котором живет художник, решил устроить вернисаж в престижном Культурном центре города.

В назначенный час просторный зал был до отказа набит гостями и лицами весьма официальными, которые, впрочем, тоже находились в статусе гостей: у голландцев как-то недоразвито чувство чинопочитания. Они запросто могут подойти к министру и даже премьер-министру. Правда, на этот раз премьер-министра среди гостей не было, но были министр культуры, послы, советники, консулы...

Не знаю, как бы ориентировался я в столь пестром конгломерате, если бы вдруг рядом со мной не раздалось такое неожиданное:

— Запалим тютюн, а?

Я вздрогнул и удивленно посмотрел на приветливо улыбающегося черноволосого парня. Он протягивал мне пластиковый кисет с ароматным голландским табаком и бумажку для самокрутки.

— Запалим, — неуверенно ответил

они не знают предела. Он не щадит ни своих, ни зарубежных бюрократов. В былые годы и нам крепко доставалось от него. Эти карикатуры — на стендах юбилейной выставки. Сейчас они вызывают улыбку, не более, но тогда... Не думаю, что «Крокодил» смог бы напечатать их в период пресловутого застоя.

А вот серия рисунков, клеймящая фашизм. О нем Берендт знает не понаслышке. Накануне, по пути из Амстердама в Амстелвеен, Фриц показал мне здание в центре

бесспорно главное: художник искренне привержен нашей перестройке, он смотрит на нее глазами друга, старается помочь ей своим пером, да и делами тоже.

Отзвучали торжественные речи. Обрели хозяина дипломы и грамоты, среди которых была и наша, крокодильская. Разошлись почтенные гости. А у стендов было по-прежнему многолюдно: сюда пришли те, ради кого и открыта выставка, — студенты, школьники, рабочие, домохозяйки.

Мы с доктором Стапертом чокнулись чаем и пожелали Фрицу успеха.

СПАСИБО, ОБЭРИУТЫ!

Ну а теперь, как и условились, вернемся в Амстердам, на улицу Лейдсеплейн, и попробуем войти в театр «Белльвью», чтобы разгадать наконец загадку экзотического запаха.

А войти сюда не так-то просто, ибо у дверей стоит матрос в офицерской шинели и бескозырке, с орденскими колодками на груди. Если приглядеться повнимательнее, то обнаружишь в его форме и другие несообразности: из-под шинели видны полосатые гражданские брюки, вольными складками падающие на узконосые желтые сапожки. Странный товарищ. Впрочем, в то утро тут все было странно. По крайней мере для меня.

Моряк требовал у входящих билет и запикивал его в пустую кобуру. А где же взять этот самый билет, если еще накануне в кассе не осталось ни одного при весьма немалой цене — 40 гульденов?

Впрочем, с грозным стражем театральных врат мы все же договорились, ибо меня сопровождал мой земляк и коллега Владимир Глоцер. Матрос встретил его не просто приветливо, но даже отдал честь. Однако этому я уже не удивился. Удивляться я начал накануне, в субботу, когда ходил по городу в сопровождении Одетты Биес — студентки русского отделения Амстердамского университета, которую Фриц попросил быть моей переводчицей. Она охотно рассказывала о себе: учится на пятом курсе, подрабатывает в русском культурном бюро «Цирк», созданным недавними выпускниками университета, бывает у нас в стране в качестве гида-переводчика.

— Хочу выучить грузинский, — неожиданно поведала мне Одетта. — Очень красивый язык. Правда?

— Правда, — согласился я, стараясь не отстать от бодро шагающей спутницы. — Мое имя есть у Чайковского в «Лебедином озере» — так зовут белую лебедь, — сообщила Одетта.

— Прекрасное имя, — согласился я. — А вы играете на саксофоне? — вдруг спросила она.

От неожиданного вопроса я сплотился, чуть не налетев на рекламную тумбу.

— На саксофоне?! — Ну да, на саксофоне. Я — играю. Точнее, учусь. — И она, не останавливаясь, виртуозно исполнила на губках фрагмент знаменитой рапсодии Гершвина.

Тут я подумал, что с этой белой лебедью надо держать ухо востро. Кто знает, что спросит она в следующий момент, что еще выдаст на своем «саксофоне». И точно! Вслед за Гершином был сыгран Чарли Паркер! А потом Одетта сказала:

— Я хочу приехать в Москву и играть на Арбате. Для тех, кто туда приходит. Это можно?

— Можно, — ответил я. — По-моему, на Арбате все можно.

— А вы придете меня послушать? Я обещал, и мы продолжили путешествие, ибо во время вышеприведенного диалога стояли у книжной витрины, в которой красовался «Евгений Онегин», напечатанный параллельно по-голландски и по-русски, о чем сообщила всезнающая Одетта. Кроме того, она показала мне несколько книг Набокова, Платонова и Достоевского, сказав, что ей и ее коллегам по университету известны также Астафьев, Распутин, Чехов и Хармс. При этом последнем имени я снова насторожился. И не зря!

— Кстати, о Хармсе! — воскликнула Одетта. — Приходите завтра в театр на борщ.

я и стал неловко сворачивать что-то вроде козьею ножки, просыпая табак.

— Я буду вашим переводчиком, — дав мне прикурить, сказал «украинец», оказавшийся на самом деле доктором Стапертом с факультета славистики Амстердамского университета. Вот тебе и тютюн! Хотел бы я видеть профессора МГУ, сооружающего самокрутку из моршанской махорки. Правда, в тот момент я никакого профессора видеть не хотел, ибо доктор Стаперт обрушил на меня целый водопад информации о Москве. Он часто бывает у нас. Тут у него куча друзей. И уже была извлечена из докторского кармана пачка московских фотографий; на стойке бара появился чай, и мы чуть не забыли про выставку. А ведь она стоит того, чтобы о ней рассказать.

Фриц Берендт — человек добрый и деликатный. Но к «героям» своих карикатур он беспощаден. Тут фантазия его, сарказм, иро-

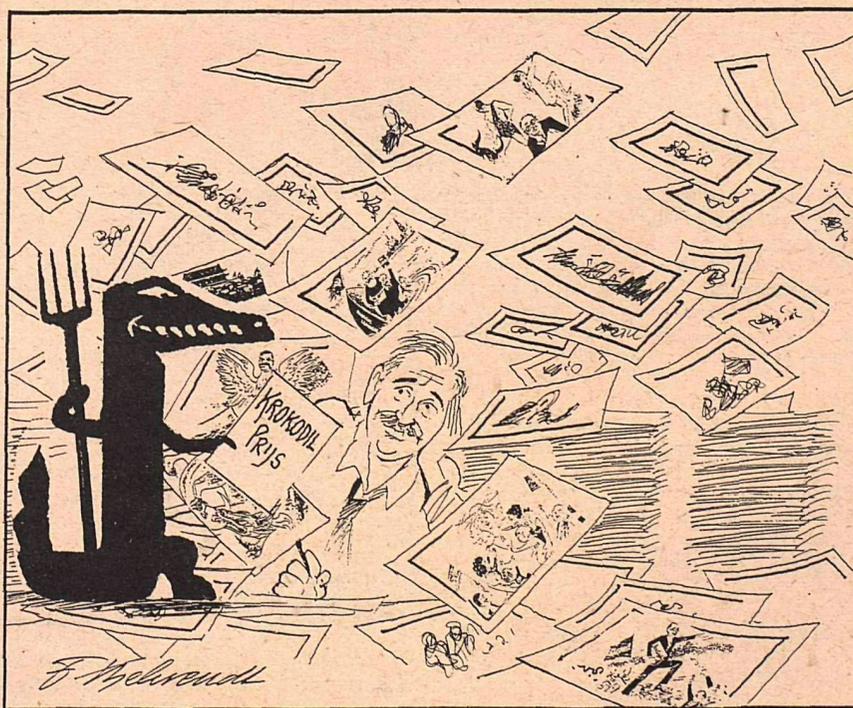
города. Он даже хотел поближе подъехать к нему, но строители перегородили улицу. Мы остановились у тротуара, и Фриц сказал:

— Тут в годы войны было гестапо. И тюрьма. Отец и мы с братом сидели там. Чудом уцелели.

Оставшуюся часть пути мы проехали молча.

Не щадит его перо расизм и милитаризм. Военные рисунки потрясут своим трагизмом. Точны и остры шаржи Берендта на известных политических и государственных деятелей. В этой галерее есть и наши земляки.

Один из стендов юбилейной выставки посвящен сегодняшнему дню СССР. О содержании рисунков красноречиво говорит заголовок, написанный по-русски: «Вперед, перестройка!» С иными сюжетами можно и нужно поспорить, ибо в них еще сказывается инерция стереотипного восприятия Советской страны и происходящих в ней событий. Но

Юбилейный автошарж Фрица БЕРЕНДТА.

Там будут играть Хармса. «Елизавету Бам». Это в «Белльвью». Здесь, рядом. В Амстердаме сейчас проходит неделя обэриутов. Завтра — день Хармса. Сюда приехал господин Глоцер...

Поток странной, неожиданной, трудно-воспринимаемой информации обрушился на меня. Какой борщ?! И при чем тут театр?! А откуда взялся Владимир Глоцер, которого я неделю назад видел в «Крокодиле»?!

— Стоп! — вскричал я, отвергая предложенную Одеттой шоколадку, купленную где-то по дороге. — Давайте по порядку. Сначала насчет Глоцера. Он что — в Амстердаме? — О да! — радостно закивала она. — Он читает лекции. Завтра он будет в театре. И там будет русский борщ. Мы сегодня все вместе будем его варить у Полины. Она из «Цирка». В ее доме остановился господин Глоцер.

Неделя обэриутов в Голландии?! Значит, здесь не просто знают наших многострадающих Хармса, Олейникова, Введенского, Заболотского... Одного знания мало, чтобы устроить такое, говоря по-нашему, мероприятие, поставив мало кому известную пьесу Даниила Хармса. Не скрою, я был не просто удивлен. Я был растроган и озадачен. Мы только начали воскрешать забытые имена, а они... Одетта, довольная произведенным впечатлением, доела свою шоколадку и вдруг воскликнула:

— А вот и Полина!

Ну, это уж слишком! Чтобы так все совпало! Не разыгрывает ли меня эта девочка из «Цирка»? Только заговорила о какой-то Полине, у которой будут нынче варить борщ для театра, как она тут же и появилась. Мало того — на чистом русском полностью подтвердила полученную мной информацию, уточнив, что господин Глоцер живет у нее на чердаке(?).

На Полине был наш морской бушлат, сверкающий пуговицами с надраенными якорями. Потом мне сказали, что своей одежкой Полина вызывает зависть всего Амстердама, хотя этому городу есть чем гордиться сегодня в смысле нарядов советского производства. В Голландии настоящий советский бум! Военный бум. Большим счастьем и редкой удачей считается приобретение нашей солдатской шинели или офицерской фуражки по цене, сильно превышающей номинал. Я видел девиц в галифе с лампасами и в зеленых пилотках. На вешалке в театре висело несколько советских армейских мундиров с ефрейторскими и сержантскими погонами. В них пришли зрители. В зале в первом ряду гордо сидели парни с повязками «Дружинник» и миллицейскими значками...

— В общем, приходите на борщ, — сказала, прощаясь, Полина. — С билетом как-нибудь уладим.

Вот какие события предшествовали моему появлению в театре.

Моряк пропустил меня в фойе, сказав приветливо: «Добро пожаловать!» И я уже как-то стал привыкать к тому, что тут все говорят по-русски. Но тут и пели на нашем родном! Откуда-то сверху, с лестницы, доносился «Вечерний звон». Его сменил романс «Дремлют плакучие ивы». А внизу моя вчерашняя спутница бойко торговала... крокодилскими сборниками Хармса и Олейникова, составленными В. Глоцером. И шли они не по 25 копеек, как у нас, а по 7 гульденов 50 центов штука. Почти 4 доллара!

— Откуда здесь наши книжки? — осведомился я.

— Из Москвы, вестимо! — улыбнулась очаровательная продавщица.

А еще тут был Хармс по-голландски, его же пластинка, сборник Введенского...

Хор мощно грянул «Во кузнице молодые кузнецы», и моряк-билетер пригласил отвезти русского чаю, вручив мне отпечатанную на русском же программу дня «русского ландшафта» в театре «Белльвью». Она стоит того, чтобы привести ее полностью:

10.00 — открывается театр

10.45 — хор Ротфронт поет на лестнице театра

11.00 — прием (кофе, чай с русскими сладостями — бесплатно)

11.15 — приветственное слово: Карел Алфенаар и Хаим Левано

11.20 — Михаил Мейлах: «Что такое обэриу»

11.45 — первая постановка «Елизаветы Бам»: нормально абсурдно

12.20 — музыкальный буфет I (русские блюда, водка — бесплатно)

музыка: Дети лейтенанта Шмидта из Одессы

13.15 — чтение «Наташа и Куприянов» и «Некоторое количество разговоров» Введенского актерами Урисола

13.35 — Владимир Глоцер: «Русский абсурдизм — западный абсурдизм»

14.00 — вторая постановка «Елизаветы Бам»: абсурдно, перебои выстрелами из пистолета

15.00 — музыкальный буфет II до дна (пирожки, закуски, водка — бесплатно).

Вот такая была программа. Должен сказать, что организаторы выдержали ее до конца. Мало того, они сделали это воскресенье настоящим праздником нашей культуры. Надо было видеть их энтузиазм, приветливость, заботу, чтобы по-настоящему оценить содеянное активистами «Славянского семинара» Амстердамского университета — главного организатора этой программы.

На чайном столе лежали московские пряники, клюква в сахаре, мармелад, леденцы. А блины! А борщ! За ним выстроилась длинная очередь. Не скрою, что мы с профессором Ивановым, народным депутатом СССР, которому тоже случилось оказаться здесь, вставали в очередь дважды, ибо чашки были малы для русского человека, а борщ — по-настоящему вкусным.

В соседнем зале пели русские песни и танцевали голландские ребятишки, которых папы и мамы взяли с собой на этот праздник. Словом, фантастика, да и только! Смотрел, слушал и завидовал. Вот как они наших поэтов чувствуют! А мы что же?

Ну бог с ними — с борщом и блинами. Этим нас не удивить — еда привычная и пока еще доступная. Но чтоб вот так собраться на весь день, да еще семьями, да еще пригласить из-за тридцати земель гостей ради одного чужого писателя и сделать этот праздник общим, интернациональным... Что-то не припомню у нас подобного. И не от склероза своего. Похоже, тут склероз общественный, помноженный на еще Пушкиным отмеченные лень нашу и нелюбопытство.

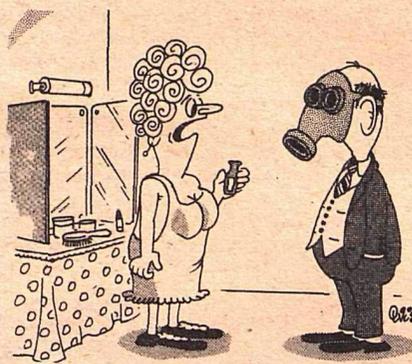
А праздник между тем продолжался. С блеском была сыграна странная «Елизавета Бам». Аплодисментами встретили лекции Мейлаха (на английском) и Глоцера (на русском). Закусили. И снова пошел... тот же спектакль. «Зачем?» — спросите вы. И я тоже спросил хозяев — зачем? «Погодите, сами поймете», — ответили они. — Видите, вон, на сцене, стартовый пистолет к микрофону приделан? Так вот во время спектакля можно выстрелить из него, действие остановится, и вы вправе задать любой вопрос об этой постановке режиссеру или актерам. Поссоритесь с ними».

Вот так! И стреляли. И задавали вопросы. И, поверьте, это было не менее интересно, чем сам спектакль.

А одна остановка была без выстрела. Кто-то зажег в зале свет. Из-за кулис выкатили телевизор и объявили, что сейчас будет передаваться прямой репортаж из Африки об освобождении Нельсона Манделы. И все смотрели и аплодировали мужественному борцу с апартеидом так же горячо, как только что актерам. А я подумал: интересно, прервал бы свой спектакль, скажем, МХАТ, в подобном случае?..

Я ехал в пустом автобусе по вечернему городу и про себя благодарил Хармса за счастливый день, за борщ и блины, отведенные в Амстердаме, а амстердамцев — за Хармса, к которому они проявили столько любви и уважения. И еще я думал, что не зря мои новые друзья с таким энтузиазмом относятся к нашей перестройке и к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Ведь то, что я увидел и там, на выставке Фрица Берендта, и здесь, на улице Лейдсеплейн, 11 февраля 1990 года, — это тоже перестройка.

Амстердам — Москва.

— Вижу, мне не нужно спрашивать, нравятся ли тебе мои новые Духи.

«Биллед бладет», Дания.

КТО ЕСТЬ КТО И ЧТО ЕСТЬ ЧТО

Совесь: то, что заставляет обо всем рассказать жене до того, как это сделает кто-нибудь еще.

Наглость: это когда сидящий в автобусе мужчина кокетничает со стоящей рядом дамой.

Лесть: умение сказать женщине именно то, что она о себе думает.

Брак: книга, в которой первая глава написана стихами, а остальные — прозой.

Алименты: затраты, которых можно избежать двумя способами: либо оставаясь холостым, либо женатым.

Второй брак: триумф надежды над опытом.

(Из сборника «Седьмое чувство», США).

Перевел с английского А. БЕССМЕРТНЫЙ.

Фредди целых полгода не звонил своим родителям, жившим в другом конце страны. Наконец, решив удивить их, набрал их номер:

— Привет! Что бы вы предпочли — миллион долларов или звонок от своего сына Фредди?

После некоторой паузы послышалось:

— Надеюсь, это не мой сын Фредди?

К автозаправочной станции подруливает старый драндулет.

— Приятель, помоги, — обращается водитель к владельцу станции. — У меня нет ни цента, бензин на нуле, а мне позарез нужно попасть в Джексонвилл.

— Хорошо, я налью вам пару галлонов.

— Слушай, а не можешь дать денегами? На станции за углом бензин дешевле.

Лекция по философии. — Счастье, — говорит лектор, — состоит в преследовании цели, а не в достижении ее.

— Интересно, — доносится из заднего ряда, — вы когда-нибудь пытались дождливой ночью догнать уходящий автобус?

Сержант отправился на рыбалку. Расположившись на берегу реки, он достал жестянку с червяками, открыл ее и гаркнул:

— Нужен один доброволец. Два шага вперед!

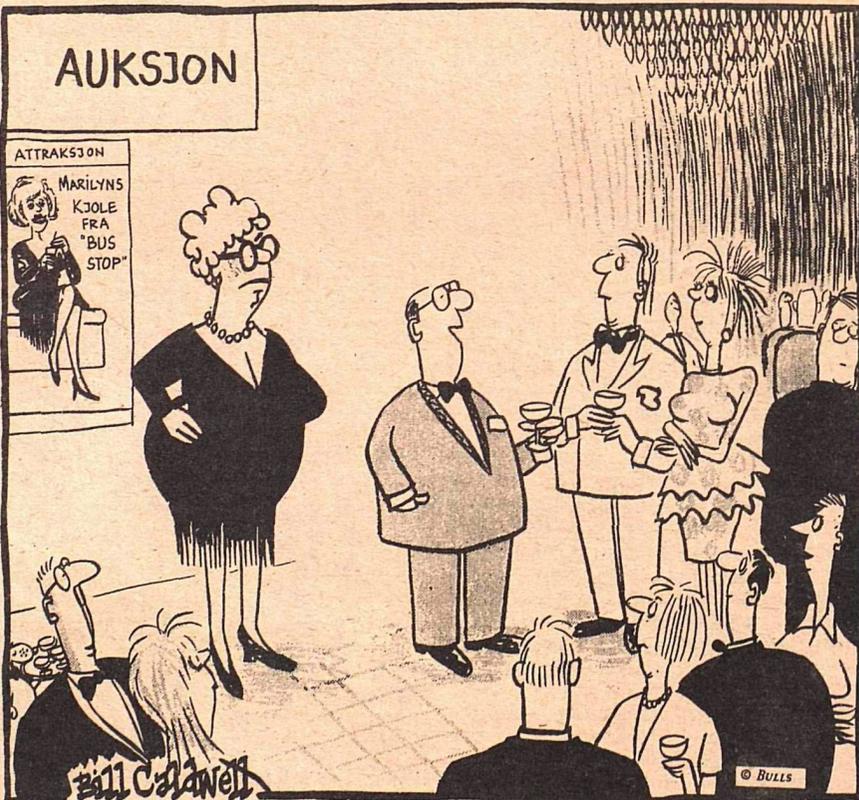
Отец и сын зашли в магазин спортивных товаров.

— Папа, купи мне гантели, — начал капризничать сын. — Клянусь, я буду упражняться каждый день! Я хочу быть похожим на Арнольда Шварценеггера.

Отец посмотрел на сына с некоторым сомнением, однако выписал чек, вручил его продавцу и направился к выходу.

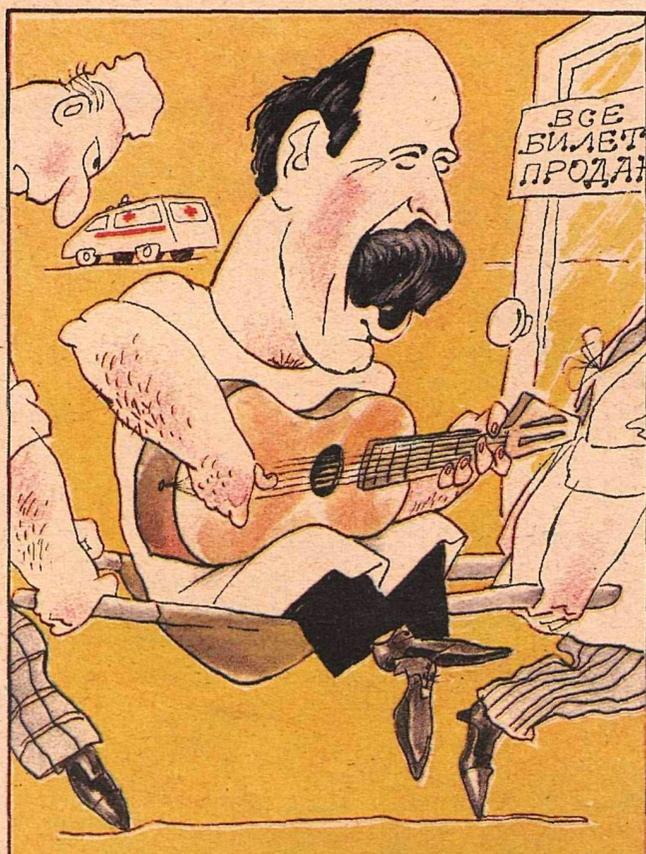
— Эй! — раздался у него за спиной возмущенный голос сына. — Уж не хочешь ли ты сказать, что я сам должен тащить эти чертовы гантели в машину?

«Ридерз дайджест», США.

— Это платье Мерилин Монро из фильма «Автобусная остановка». А туфли, очки, парик и вставные зубы — ее собственные.

«Афтенпостен», Норвегия.

Александр РОЗЕНБАУМ

Порою по-высоцки он неистов,
Порой по-окуджавски утончен,
Однако на ковре из желтых листьев
Всех бардов розенбаумее он!

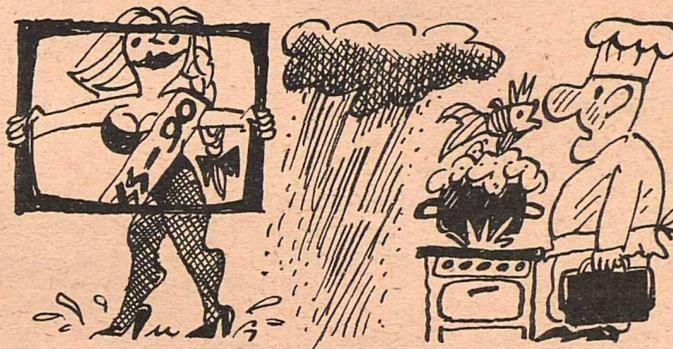
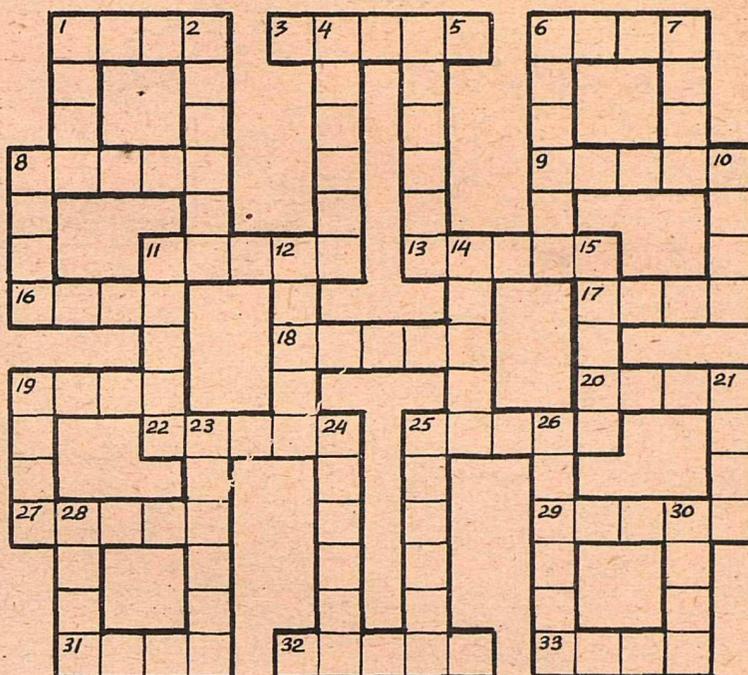
А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Портфель, ушедший в дипломатию. 3. Широкий пыльный путь на далеких планетах. 6. Первая красotka (конкурсн.). 8. Варяк (общепит.). 9. Горная разруха. 11. Ударно-дисциплинарное орудие. 13. Человек на ставке (азартн.). 16. Кормовой гербарий. 17. Золотое устройство общества. 18. Подгоршечник (цветочн.). 19. Нулевой банкирский выигрыш (рулеточн.). 20. Место, где можно посетовать в свое удовольствие (спорт.). 22. Образ жизни советского потребителя. 25. Ходовая часть колоды. 27. Рубин с сапфиром (по старинке). 29. Золотая исполнительница (сказ.). 31. Судебная дача. 32. Деревенский гарнитур на семерых несовершеннолетних. 33. Печная прилипала.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Искусство закадрить актрису. 2. Государство, знаменитое своим воспитанием. 4. Макияжная пощечина. 5. Кулинарные изделия, которые не рекомендуется печь сапожникам. 6. Коровья данность. 7. Птица, которую по-настоящему могут оценить только Знатоки. 8. Пусковой танец. 10. Дождь в разливе (дорожн.). 11. Способ смыть все грехи (библейск.). 12. Пальмовый млекопитающий. 14. Ударно-разрядная погода. 15. Процесс создания настоящего человека (устар.). 19. Привосходное место. 21. Атмосферная осадница. 23. Человек, способный отбить любого. 24. Материальная разделка. 25. Головной убор, рассчитанный на дурака. 26. Зеркальная грелка. 28. Классический беспорядок (миф.). 30. Нашествица на камень (послов.).

Составила
Н. ЗАРОВСКАЯ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Лев. 4. Бабочка. 6. Нимб. 10. Перебор. 12. Паркер. 13. Копейка. 14. Желе. 16. Тесто. 19. Работник. 21. Ящик. 22. Кисть. 23. Канифоль. 26. Шпага. 28. Депутат. 30. Деканат. 31. Охалка. 34. Бур. 35. Рокер. 36. Рикша. 37. Стопка. 38. Телефон. 39. Алкоголик.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пеле. 2. Уборка. 5. Амбар. 7. Буравчик. 8. Делегат. 9. Бахус. 10. Пожарник. 11. Дедукция. 15. Горло. 17. Единица. 18. Общепит. 20. Петарда. 24. Фотограф. 25. Лототрон. 27. Генерал. 28. Декрет. 29. Опушка. 32. Стог. 33. Опал. 34. Банк.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ТЕТЯ»

Возвращаясь к напечатанному

Так назывался фельетон Ю. Казанцева, который был опубликован в № 20 «Крокодила» за 1987 год. В нем рассказывалось о сложных взаимоотношениях между гражданкой Оганесян А. А. и ее племянником Языджианом А. Е. (говоря кратко, Оганесян А. А. предъявила претензии на жилище родственника). Оганесян обратилась в народный суд Свердловского района столицы, с иском о защите чести и достоинства, в котором требовала признать все касающиеся ее сведения, приведенные в фельетоне, не соответствующими действительности.

Часть претензий истца судом отменена. По поводу целого ряда выражений, которые вызвали неудовольствие Оганесян, в решении суда сказано, что «...жанр фельетона допускает применение подобных выражений, тем более что все они литературные, ничего оскорбительного не содержат. А по существу, отражают именно те факты и события, которые имели место на деле». В решении суда также отмечено, что: «Оганесян А. А. неоднократно бывала на предприятии, где работает ее племянник, устраивала скандалы, оскорбляла (выделено редакцией) племянника, мешала нормальной работе».

В то же время суд признал, что по некоторым позициям фельетона

«Крокодил» должен принести извинения. А именно: Оганесян не имеет отношения к написанию «диких по содержанию писем, исполненных куринным почерком»; она не «говорила заклятья и не брызгала солью у дома Андроника Языджиана». Она не предлагала спецкору помочь «оттупить дом или часть на худой конец, а она его за это отблагодарит». Суд также решил, что выражение «наглец», которое Оганесян А. А. приняла на свой счет, является оскорбительным. (Речь о наглецах, которые, используя инертность и бесхребетность наших граждан, прокладывают путь к личному обогащению и благам за счет своих ближних, шла в заключительной, обобщающей части фельетона.) Согласны: наверное, есть более точное слово, характеризующее женщину, которая, как установлено судом, способна не только обижаться на оскорбления, но и оскорблять, устраивать скандалы, мешать работе. Выполняя волю суда, редакция журнала приносит свои извинения Оганесян А. А. за причиненный моральный ущерб.

Остается добавить, что после публикации фельетона письма с угрозами убить детей Языджиана больше в семью Языджианов не поступали и семья уже три года живет спокойно и счастливо в своем доме.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«По настоянию мастера эл.-участка я в данный 14.30 момент нахожусь в состоянии алкогольного опьянения».

(Из объяснительной).
Прислал А. Иванов,
г. Ленинград.

«Хорошо нес службу Розиков. От его бдительности не ушел и нарушитель, который из-за покрова темноты непонятно откуда и взялся».

(Из стенгазеты).
Прислала Р. Котенко,
г. Батуми.

«От учащ. Гурьева Д. Заявление
Прошу Вас отпустить меня 30 августа 1989 г. в 14.00 для регистрации тещи».

Прислал П. Лещинский,
г. Калуга.

«Предлагаем несколько рецептов приготовления кофе из книг, поступающих в магазины облкниготорга».

(Реклама).
Прислал Е. Черных,
г. Днепропетровск.

«Можно заметить, что у нелюбимых героев Толстого не было потомства».

(Из школьного сочинения).
Прислала Г. Смышляева,
г. Красноярск.

«Гр. Романюк Н. К. родила четвертого ребенка в нетрезвом состоянии, а сельисполком никаких мер не принял».

(Из постановления комиссии по борьбе с пьянством).
Прислал Г. Гончаренко,
Винницкая область.

«В связи с тем, что на нашей территории находится пионерский лагерь, для борьбы с детской преступностью организовать ДНД и предоставлять членам ДНД 3 дня дополнительно к отпуску за счет средств фонда социального развития предприятия».

(Из предложения к коллективному договору).
Прислал Г. Моргун, г. Волгоград.

«Женский низ для мужчин работает по средам с 17 до 22 ч.»

(Объявление в бане).
Прислала М. Еремина, г. Кимры.

«Продается собака псиньей породы с умением ездить на грузовой машине».

(Объявление.)

«Продается пианино и собака. Собаку убедительная просьба купить, т. к. не может без музыки».

(Объявление).
Прислал А. Хорошун, г. Новомосковск.

ПИСАТЕЛИ В УДАРЕ

УДАР ГОЛОВОЙ (Юрий Кузнецов)

Я откровенен буду до конца.
Других таких нигде вы не найдете.
Играл в футбол я черепом отца
И пил вино из таза тети Моти.

Другим слабó. Другие про отцов
Так не напишут — жестко, резко, прямо.
Запомните — зовусь я Кузнецов.
Всех прочих выбросьте. К чему вам столько хлама?

Григорий ТУМАРКИН

Как известно, Крокодил — страстный спортивный болельщик вообще и футбольный в частности. С трепетом ожидая начала прямых трансляций из Италии с чемпионата мира, он предваряет их дружескими пародиями: представим себе, как некоторые известные советские поэты отразили бы в своем творчестве тему кожаного мяча... Крокодил надеется, что эта публикация поднимет боевой дух нашей сборной и настроение многомиллионной армии ее болельщиков.

ВСЕСОЮЗНАЯ
ордена „ЗНАК ПОЧЕТА“
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

1990 г.
ПЕСЕНКА О ВЕЗЕНИИ
(Булат Окуджава)

Ваше Подколодие, госпожа Фортуна!
В шахматах вот вроде бы нас не переплюнут.
Гарик или Толя, но кто-то нас спасет.
Не везет в футболе — в шахматах везет!

БРЕНЧАНИЕ В ОДНО КАСАНИЕ (Виктор Боков)

Балалайка, трали-вали,
Эх, грибки соленые!
Ой, ребятки выбегали
На траву зеленую!

Вы, ребята, все в обновках,
Что же не активные?
Видно, были тренировки
Малозффективные!

Видно, зря была примята
Травушка зеленая,
Видно, вы еще, ребята,
Не совсем ядреные!

РАЗВЕ...

(Роберт Рождественский)

Вышли. Разве это — вышли?!
Ритму бешеному в такт
Здесь выходят — ИЛИ-ИЛИ!
Наши — еле-еле. Факт!

Что за выход в самом деле,
Словно с девками на луг?
Черт-те что! В здоровом теле
Нездоровый чуждый дух!

Форвард. Разве это — форвард?
Разве так сегодня бьют?
Так, утратив честь и гордость,
В подворотне водку пьют!

г. Краматорск.

Оформление Л. НАСЫРОВА.

90-1990